

ГРОМБЧЕВСКИЙ Б. Л.
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Б. Л. Громбчевский

**Путешествия по
Центральной Азии**

«Нестор-История»

2019

УДК 910.4
ББК 63.3(3)

Громбчевский Б. Л.

Путешествия по Центральной Азии / Б. Л. Громбчевский —
«Нестор-История», 2019

ISBN 978-5-4469-1598-9

Книга представляет собой первую публикацию перевода на русский язык мемуаров известного русского путешественника по Центральной Азии Б. Л. Громбчевского. В книгу включены три его работы, изданные в Польше в середине 1920-х гг. и долгое время остававшиеся недоступными русскому читателю. Мемуары содержат интересные и разнообразные сведения о службе автора на азиатских окраинах Российской империи – в Туркестане и на Дальнем Востоке, – совершенных экспедициях, рекогносцировках, участии в пограничном размежевании и в ключевых событиях англо-русского соперничества в Центральной Азии. Публикация сопровождается расширенными комментариями и справочным научным аппаратом. Текст мемуаров дополняют экспедиционные фотографии Громбчевского и современных путешественников по Памиру, Куньлуню и Южному Синьцзяну – территориям, где процветали древние цивилизации, проходили трассы Великого Шелкового пути и которые в конце XIX – начале XX в. стали местом величайших географических открытий и ожесточенного военно-политического противостояния империй. Издание адресовано как специалистам – историкам, этнографам, географам, востоковедам, – так и широкому кругу читателей. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 910.4
ББК 63.3(3)

ISBN 978-5-4469-1598-9

© Громбчевский Б. Л., 2019

© Нестор-История, 2019

Содержание

Среди гор и пустынь Центральной Азии: к русскому изданию мемуаров Б. Л. Громбчевского	9
На маршрутах Б. Л. Громбчевского – более века спустя	15
Часть I. Кашгария. Страна и люди: путешествие по Центральной Азии	19
Глава I	19
Глава II	22
Глава III	27
Глава IV	30
Глава V	35
Глава VI	40
Глава VII	46
Глава VIII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Б. Громбчевский

Путешествия по Центральной Азии

© М. К. Басханов, О. Г. Чхетиани, составление, вступительные статьи, 2019

© О. Г. Чхетиани, фотографии, 2019

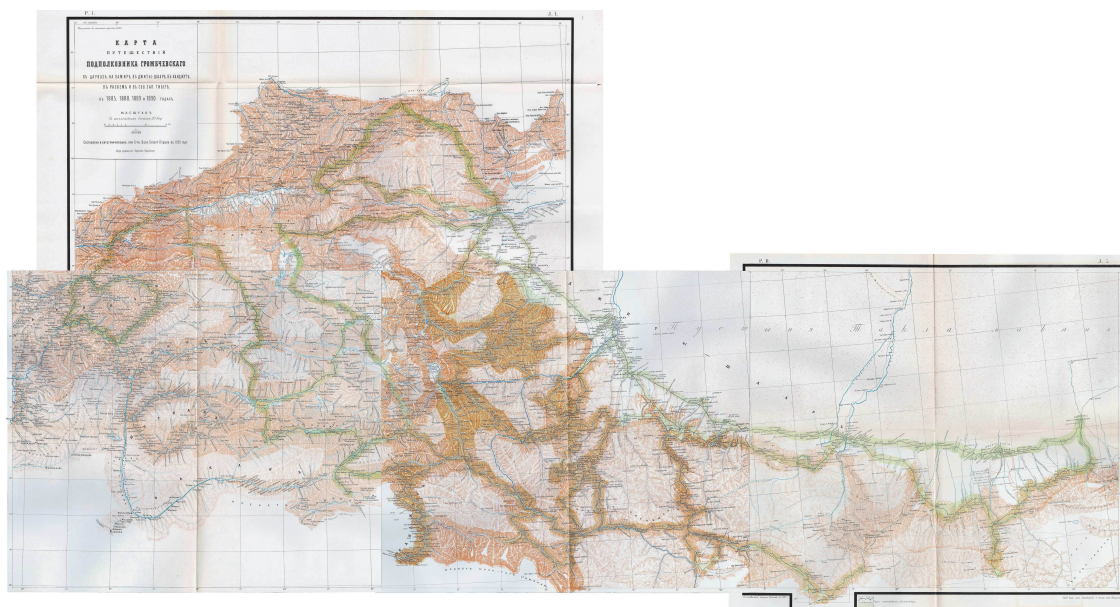
© Издательство «Нестор-История», 2019

* * *

*Составители посвящают свой труд всем неутомимым и
бесстрашным исследователям Центральной Азии прошлого, настоящего
и будущего*

Б. А. Гусиневскому

Среди гор и пустынь Центральной Азии: к русскому изданию мемуаров Б. Л. Громбчевского

Настоящая книга представляет собой первое издание перевода на русский язык мемуаров выдающегося русского путешественника Бронислава Людвиговича Громбчевского (1855–1926), посвященных его путешествиям в Центральной Азии¹. Мемуары впервые были опубликованы в Польше в 1924–1925 гг. и в силу ряда причин оставались недоступны для ознакомления в России. По прошествии почти ста лет с момента выхода в свет они предстают перед российским читателем. Предваряя настоящую публикацию, следует немного остановиться на историческом и культурном значении мемуаров Б. Л. Громбчевского, а также на их специфике как нарративного источника.

В последние годы в изучении биографии и экспедиционной деятельности Б. Л. Громбчевского была проделана значительная работа, результатом которой стал ввод в научный оборот основной части его экспедиционных материалов – экспедиционных дневников и фотоколлекций. До 2015 г. научное наследие Б. Л. Громбчевского оставалось практически неизученным, и к нему редко обращались исследователи, не говоря уже о читающей публике². Следует отметить, что инициатива и приоритет в изучении этого важного научного наследия принадлежат российским исследователям. Это выглядит вполне естественным, если принять во внимание место и значение Б. Л. Громбчевского в русской истории, культуре и науке, а также тот факт, что научный архив путешественника и связанные с его жизнью и деятельностью документы хранятся преимущественно в российских собраниях.

Ввод в оборот научного наследия Б. Л. Громбчевского и изучение его биографии происходили достаточно интенсивно. В 2015 г. под эгидой Русского географического общества М. К. Басханов, А. А. Колесников и М. Ф. Матвеева подготовили и издали книгу «Дервиш Гиндукуша», в которую вошли экспедиционные дневники Б. Л. Громбчевского, относящиеся к двум его центральноазиатским экспедициям (1888 и 1889–1890)³. Издание сопровождается обширной вступительной статьей о жизни и деятельности Б. Л. Громбчевского, раскрывающей многие неизвестные эпизоды жизни путешественника на основе редких документов из российских архивов⁴. Вслед за этим в Польше был переиздан на польском и русском языках дневник 2-й Центральноазиатской экспедиции Б. Л. Громбчевского (1889–1890)⁵, который в значительной мере опирался на тексты дневников и вступительную статью к ним, опубликованные российскими исследователями в книге «Дервиш Гиндукуша». В 2016 г. был опубликован перевод на русский язык книги воспоминаний Б. Л. Громбчевского «На службе россий-

¹ Перевод на русский язык осуществлен по второму польскому изданию мемуаров Б. Л. Громбчевского. См.: *Grabczewski B. Podróże po Azji Środkowej*. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. – 579 s.

² В 2013 г. вышла в свет работа А. Ю. Рудницкого «Этот грозный Громбчевский», представляющая попытку биографического очерка Б. Л. Громбчевского. См.: *Рудницкий А. Ю. Этот грозный Громбчевский...: большая игра на границах империи* / А. Ю. Рудницкий. – СПб.: Алетей, 2013. – 247 с., [1] с. Работа во многом построена на мемуарах Громбчевского, изданных в Польше. К сожалению, ввиду некритического подхода к источнику в ней оказался ряд неточностей и спорных трактовок.

³ *Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф. Дервиш Гиндукуша: путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / Русское географическое о-во; [сост.: М. К. Басханов, А. А. Колесников, М. Ф. Матвеева]*. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 374 с., [1] с.: ил., портр. В 2016 г. вышло 2-е изд. этой работы.

⁴ См.: *Басханов М. К. К последнему перевалу: жизнь и странствия Бронислава Громбчевского* // Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф. *Дервиш Гиндукуша: путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / Русское географическое о-во; [сост.: М. К. Басханов, А. А. Колесников, М. Ф. Матвеева]*. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 7–76.

⁵ *Попель-Махлицы В., Плескачынски А., Плескачынска К. Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 гг. как свидетельство истории и элемент культурного наследия*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2017. – lxvii, 601 с.

ской»⁶. В 2017 г. М. К. Бас-ханов, А. А. Колесников, М. Ф. Матвеева опубликовали полную фотоколлекцию Б. Л. Громбчевского, составленную в период двух центральноазиатских экспедиций и ныне хранящуюся в фондах Научного архива РГО (НА РГО)⁷. Польская исследовательница А. А. Полукурд в 2017 г. в рамках магистерской работы подготовила биографический очерк Б. Л. Громбчевского, в котором раскрываются малоизвестные подробности его службы на Дальнем Востоке⁸. Наконец, в 2018 г. М. К. Басханов опубликовал новые сведения к биографии Б. Л. Громбчевского, полученные в российских и британских архивах⁹. Таков общий обзор наиболее важных научных работ, относящихся к жизни и деятельности Б. Л. Громбчевского, появившихся в России и за рубежом в период с 2013 по 2018 г.

К настоящему времени в России издана большая часть научного и литературного наследия Б. Л. Громбчевского – экспедиционные дневники, фотоколлекция и перевод на русский язык книги воспоминаний. Вне этого круга работ оставались лишь три книги Громбчевского, изданные в Польше незадолго до его смерти, – «Кашгария. Страна и люди»¹⁰, «Через Памир и Гиндукуш к истокам Инда»¹¹ и «В пустынях Раскема и Тибета»¹². Настоящая публикация, в которую вошли переводы на русский язык трех ранее неизвестных российскому читателю работ Б. Л. Громбчевского, восполняет этот пробел и в значительной степени продвигает вперед изучение научного и культурного наследия выдающегося путешественника по Центральной Азии.

Мемуары Б. Л. Громбчевского чрезвычайно живо и увлекательно написаны и с полным правом могут быть отнесены к лучшим образцам жанра литературы о путешествиях (травелога). Мемуары между тем содержат одну противоречивую особенность, своего рода интеллектуальный пазл, разгадать который довольно сложно не только неподготовленному читателю, но и специалисту-историку, обращающемуся к изучению биографии известного путешественника. Как человек безусловно талантливый, с большим даром воображения, честолюбивый и не чуждый жажды признания, Громбчевский искусно вплел в ткань своего нарратива вымышленные «узоры» – сюжеты и события, которых никогда не было в действительности. Проверка таких фактов и установление истины – поистине сложный процесс, в котором, кроме соотнесенности с другими событиями, зафиксированными в независимых источниках и документах, требуются навыки, близкие к следственной деятельности. Специфика таких спорных сюжетов заключается в том, что внешне – по обстоятельствам времени, событий, круга знакомств и пр. – они выглядят достаточно реалистичными и вполне могли иметь место. Часть сюжетов представляет собой реальный исторический факт, но снабженный вымышленными подробностями, которые опять же по недостатку надежного исторического материала очень сложно проверить.

Мы не можем сказать с уверенностью, по какой причине Громбчевский прибегал к довольно частой игре воображения, порой тонкой и виртуозной, но факт остается фактом – налицо его стремление не только «улучшить» текст, разбавив его причудливыми небылицами,

⁶ Громбчевский Б. Л. На службе российской: фрагменты воспоминаний / Бронислав Громбчевский; пер. с польск. М. Г. Леонов; лит. ред. пер. Е. Г. Королькова. – М.: Науч. мир, 2016. – 262 с., [1] л. ил.

⁷ Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф. Памир, Хунза и Кашгария в экспедиционных фотографиях генерала Б. Л. Громбчевского (1888–1890). – М.: Пеликан, 2017. – 188 с., ил.

⁸ См.: Полукурд А. А. Бронислав Людвикович Громбчевский (1855–1926). Поляк на службе Российской империи. Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 46.04.01 – История. Образовательная программа магистратуры История, профиль: Историческое регионоведение и историко-культурный туризм. – СПб.: СПбГУ, 2017. – 133 с.

⁹ См.: Bronislav Liudvigovich Grombchevskii (1855–1926) // Andreyev A., Baskhanov M. and Yusupova T. The Quest for Forbidden Lands. Nikolai Przhevalskii and his Followers on Inner Asian Tracks. – Eurasian Studies Library. Volume 10. – Leiden: Brill, 2018. – P. 255–310.

¹⁰ Kashgarja. Kraj i Ludzie: Podroz do Azji Środkowej. – Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1924. – xv, 246 s.

¹¹ Przez Pamiry i Hindukusz do Źródła Rzeki Indus. – Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, [1924]. – 226 s. Перевод нескольких фрагментов этой книги, посвященных пребыванию в Канджуге, был опубликован в русском издании книги «На службе российской».

¹² W Pustyniach Raskemu i Tybetu. – Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, [1925]. – 240 s.

но и настойчивая попытка выгодно подать себя в ситуациях спорных, маловыгодных для его имиджа как путешественника и администратора. Порой при чтении мемуаров возникает ощущение, что Громбчевский старался переписать историю своей жизни, улучшить свой образ и даже где-то реабилитировать себя. Он также пытался послать читателю сигнал о своем высоком положении в русском обществе, связях с императорской фамилией, влиятельными аристократами, выдающимися русскими политическими и военными деятелями. В мемуарах он старался вписать себя в «портретную галерею» современных ему представителей высшего света. В результате перед читателем Громбчевский предстает в общении с императором и наследником цесаревичем, великими князьями, министрами военным и иностранных дел, генерал-губернаторами, эмирами и пр. Было ли это попыткой преодоления некоего комплекса, связанного с его достаточно низким социальным происхождением, национальностью и католической верой, или стремлением придать своей личности некий исторический масштаб – остается доподлинно неизвестным.

В то же время следует иметь в виду, что описываемые в мемуарах события происходили в период, когда Громбчевский занимал весьма скромное служебное положение и имел обер-офицерский чин. Его личное влияние на русскую политику в Центральной Азии, несмотря на попытки представить все в обратном виде, оставалось весьма скромным. Проблемы же, связанные с его несанкционированным властями вторжением в сферу большой политики и международных отношений, были для России значительными и часто имели негативный эффект (занятие британцами Хунзы, памирский вопрос и пр.). В этой связи образ Громбчевского как защитника интересов России в Центральной Азии, часто используемый в современной литературе, далеко не соответствует действительности и нуждается в известной корректировке. Довольно часто в своих действиях Громбчевский исходил не из государственных интересов, а из личных соображений и побудительных мотивов.

Мемуары условно можно разделить на две части: собственно экспедиционную и биографическую. Первая, несмотря на отдельные неточности, повторы и пр., представляет собой наиболее ценный и информативный материал. Картина достоверности и историзма резко меняется в биографической части мемуаров, где просматриваются очевидные элементы саморекламы: связь с политикой и дипломатией, знакомство с представителями высшего света. Мы далеки от мысли добавить негатива к историческому портрету Громбчевского, его заслуги перед русской географической наукой очевидны, и имя его не нуждается в какой-либо защите. Наша задача – помочь читателю избежать ложных представлений и заблуждений, что вызвало необходимость, насколько это представлялось возможным, дать соответствующие комментарии по тексту книги.

Необходимо помнить, что Громбчевский писал свои мемуары в драматической обстановке. Психологически и морально надломленный, страдающий неизлечимой болезнью, потерявший в русской смуте все, что вполне заслужил за долгие годы службы в императорской России, он испытывал тяжелый внутренний кризис. На пороге жизни и смерти он обращался к лучшим эпизодам своей биографии, многим уже не только в советской России, но и в Польше малоинтересной и почти забытой. В этом почти предсмертном взгляде на прошедшую жизнь он обнаруживает многое, что хотел бы видеть иначе, в совершенно другом свете и написать об этом так, чтобы его исторический портрет и деяния вновь вызвали интерес и уважение современников и потомков. И здесь ему пришлось пожертвовать частью правды и реальности.

Заметной особенностью мемуаров Громбчевского является порой серьезное расхождение приводимого в них фактического материала – хронологии и последовательности событий, сюжетов и пр. – с тем, что содержится в его экспедиционных дневниках. Этому есть свое объяснение, и о нем мы скажем несколько ниже. При подготовке настоящего издания составители не сверяли полностью содержание мемуаров и экспедиционных дневников Б. Л. Громбчевского на предмет неточностей и разночтений, которые, безусловно, имеются. Дневники и мемуары

– это совершенно разный текстологический и жанровый материал, который имеет право на самостоятельное, автором определенное, существование. Каждый из них интересен, самобытен и оригинален и по-своему дополняет друг друга.

Достаточно неясным остается вопрос о времени написания книг Громбчевского, публикуемых в настоящем издании. Представляется, что рукопись первой книги – «Кашгария. Страна и люди» – была завершена еще до начала Первой мировой войны. В предвоенный период Громбчевский проживал в Варшаве и имел намерение заняться литературной обработкой и изданием своих экспедиционных дневников, оригиналы которых он в октябре 1911 г. получил от ИРГО¹³. Эти оригинальные дневники были позже утрачены¹⁴, предположительно в период Первой мировой войны или гражданской войны в России, и при работе над мемуарами в Польше после 1920 г. Громбчевский уже не имел возможности ими пользоваться. На то, что рукопись первой книги была написана еще в императорский период, указывает и стиль подачи материала – он самодержавен, выдержан в верноподданнической тональности, т. е. в том стиле и политической традиции, которые перестали существовать в России после 1917 г. и тем более выглядели архаично и даже аполитично в условиях буржуазной Польши начала 1920-х гг.

Предположительно рукописи книг были написаны на русском языке, а затем уже переведены на польский язык и опубликованы. Как заметили переводчики, участвовавшие в переводе книг польского издания на русский язык, тексты содержат признаки того, что польский язык ко времени написания книг уже не являлся для Громбчевского родным. Построение ряда фраз и предложений указывает на то, что они переведены с русского оригинала. При польском издании рукописи Громбчевского претерпели минимальную правку, редактura текстов практически отсутствовала, о чем свидетельствуют частые повторы, неточности и пр. Также практически отсутствуют комментарии и редакторские замечания, за исключением нескольких малозначащих постраничных сносок.

Книги писались Громбчевским в достаточно непростой обстановке, на что указывает подчас «нервное», эмоциональное построение материала. Автор работал над текстом с продолжительными интервалами, порой забывая написанное. Создается ощущение, что работы во многом написаны по памяти и в условиях лимита времени. В текстах книг встречаются, к примеру, упоминания названий видов флоры и фауны, сопровождаемые припиской «латинского названия не помню», тогда как эти названия вполне можно было уточнить по справочным изданиям. При работе над двумя последними книгами – «Через Памир и Гиндукуш к истокам Инда» и «В пустынях Раскема и Тибета» – Громбчевский не имел возможности свериться с содержанием экспедиционных дневников, на что указывают частые несоответствия и искажения. Этот факт косвенно подтверждает версию, что эти книги готовились Громбчевским либо в период Первой мировой войны, либо после возвращения из России в Польшу. В любом случае окончательная доводка текстов происходила в Польше накануне публикации книг. В них, в отличие от первой книги – «Кашгария. Страна и люди», уже отражены новые реалии времени – крушение императорской России, приход к власти большевиков и специфика польско-советских отношений начала 1920-х гг.

Следует немного остановиться на том подходе, который был принят составителями этой книги при передаче исторических, географических, этнографических, восточных и военных терминов, топонимов, единиц системы мер. Для придания единообразия в тексте настоящего

¹³ См.: К последнему перевалу: жизнь и странствия Бронислава Громбчевского. – С. 74.

¹⁴ Польские исследователи В. Попель-Махницки, А. Плескачиньски и К. Плескачиньска считают, что ими в фондах АВПРИ был обнаружен оригинальный экспедиционный дневник (точнее, фрагмент из 40 % текста) Б. Л. Громбчевского, относящийся к его 2-й Центральноазиатской экспедиции. См.: *Попель-Махницки В., Плескачиньски А., Плескачиньска К.* Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 гг. как свидетельство истории и элемент культурного наследия. – С. XXXVII–XXXIX. Между тем не вполне ясно, что именно обнаружили польские исследователи: фрагмент оригинального экспедиционного дневника Громбчевского или фрагмент одной из поздних авторских копий этого дневника. В вопросе о судьбе оригинальных дневников пока рано ставить точку.

издания используется метрическая система мер, в то время как в текстах книг Б. Л. Громбчевского встречается как метрическая, так и старорусская системы. Китайские военные, административные и исторические термины приведены в соответствие с традицией их использования в позднем Цинском Китае, в примечаниях даны их смысловые значения, фонетическая транскрипция и написание в китайской графике. Значение используемых в текстах книг восточных терминов объясняется в постраничных сносках. В сносках также приводятся краткие сведения биографического характера о лицах, упоминаемых в тексте, а также пояснения к отдельным историческим событиям, указания на неточности и несоответствия.

Географические названия по тексту книги унифицированы в соответствии с названиями, используемыми на «Карте путешествий подполковника Громбчевского в Дарваз, на Памир, в Джиты-шаар, в Канджут, Раскем и в северо-западный Тибет в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах», составленной и литографированной в 1895 г. при Туркестанском Военно-топографическом отделе. Для ряда наиболее значимых топонимов приводится вариант их современного использования. Для облегчения ознакомления с материалом к настоящему изданию прилагается упомянутая сводная карта района и маршрутов путешествий Б. Л. Громбчевского.

Библиографические указания, сделанные самим Б. Л. Громбчевским, большей частью неполные, иногда неточные, в тексте настоящего издания уточнены и приведены в соответствие с современными требованиями библиографических описаний. Ссылки на экспедиционные дневники Громбчевского приводятся по их печатной версии¹⁵.

В настоящей книге используется три вида постраничных сносок: самого Б. Л. Громбчевского (в тексте настоящего издания – *Прим. авт.*), польской редакции издания 1958 г. (*Прим. польск. ред.*) и составителей (в тексте книги без дополнительных указаний).

В качестве иллюстративного ряда к настоящему изданию воспроизводятся фотографии, опубликованные в альбоме «Памир, Хунза и Кашгария в экспедиционных фотографиях генерала Б. Л. Громбчевского (1888–1890)»¹⁶. Последовательность иллюстраций при этом в целом соответствует той, что принята в книгах Громбчевского первого польского издания. Надписи под фотографиями соответствуют тем, что имеются под фотографиями в оригинальных экспедиционных фотоальбомах из фондов НА РГО, которые в свое время были атрибутированы самим Громбчевским и потому являются наиболее точными. Это позволило избежать ряда неточностей и искажений, которые содержатся в польском издании книг Громбчевского.

Вступительную статью О. Г. Чхетиани, известного в России путешественника по малодоступным районам Азии и инициировавшего перевод мемуаров Б. Л. Громбчевского, иллюстрируют его фотоснимки, сделанные на Памире, в Куньлуне и Северо-Западном Тибете. Фотографии сделаны в тех районах, которые описаны в мемуарах, и на маршрутах, частично совпадающих с маршрутами Громбчевского. Они позволяют тем из читателей, кто не бывал в этих местах, лучше представить себе ландшафты и природно-климатическую специфику региона, сложности, с которыми были сопряжены путешествия Громбчевского в его время и которые во многом сохраняются и поныне. Эти снимки удачно дополняют фотографии самого Громбчевского, публикуемые в настоящем издании. Они наполняют мир черно-белой фотографии красками и светом фотографии цветной, визуально соединяют исторические эпохи. В результате история получает продолжение в современности, а сопоставление черно-белого и цветного кадров создает живой контраст чувств и впечатлений. Фотографии приоткрывают перед нами завораживающий мир одного из немногих заповедных уголков на нашей планете, который еще сохранил свою первозданную красоту и очарование.

¹⁵ Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф. Дервиш Гиндукуша: путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского.

¹⁶ Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф. Памир, Хунза и Кашгария в экспедиционных фотографиях генерала Б. Л. Громбчевского (1888–1890). – М.: Пеликан, 2017.

Мемуары Б. Л. Громбчевского – важный источник сведений по истории географических открытий в Центральной Азии, политике императорской России на Востоке, истории стран Центральноазиатского региона. Мемуары представляют собой и замечательный образец литературного творчества Б. Л. Громбчевского. В них просматриваются не только его очевидные литературные способности, но и тонкое восприятие Востока, личное знакомство автора с природой, жизнью и бытом народов Центральной Азии. Значительно оживляет повествование использование Громбчевским местных легенд, сказаний, фольклора, а также его собственных охотничьих рассказов. В мемуарах Громбчевского содержится масса ссылок на исторические события, видных государственных, общественных и военных деятелей, что позволяет автору придать его описаниям колорит эпохи, дать картину повседневной жизни далеких восточных окраин России и ее восточных соседей. Составители будут считать свою задачу выполненной, а приложенный труд не напрасным, если настоящая книга найдет своего благодарного читателя и будет ему интересна и полезна.

М. К. Басханов

На маршрутах Б. Л. Громбчевского – более века спустя

Как и у главного героя настоящей книги, наша первая встреча с огромным краем по другую сторону горных хребтов на южных границах бывшего СССР произошла в Кашгарии. В китайской Центральной Азии мы¹⁷ провели более 10 летних и осенних сезонов. После 2009 г. доступ во внутренние области этого региона стал крайне затруднительным, а то и невозможным, ввиду очередной волны нестабильности, охватившей Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. В июле 1995 г. с вершины в пограничном хр. Кокшаалтау в верховьях ледника Чон-Турасу к югу от оз. Иссык-Куль в вечернем розоватом свете перед нашим взором отчетливо проявились громады пика Победы в 200 км на востоке¹⁸ и Конгурского массива на юго-западе. Через три года мы впервые оказались в снегах и льдах Кашгарии на южных склонах Конгура. А в августе 2000 г. с вершины шеститысячника Кызыл-Сель на Кашгарском Памире нам уже открылись где-то вдали на юго-востоке плохо различимые из-за постоянной здесь, на окраине великой пустыни, лессовой дымки цепи Куньлуня, куда мы добрались впервые еще через три года.

В первых поездках мы пересекали Тянь-Шань в районе оз. Чатыр-Кель через перевал Торугарт. На седловине перевала еще оставалась каменная арка времен советско-китайской дружбы с надписью «СССР» со стороны Китая. В последующих поездках до появления регулярного авиасообщения России с Урумчи добирались из г. Ош в Ферганской долине. Здесь, как и в свое время Б. Л. Громбчевский, не раз поднимались на примечательную гору Тахт-и-Сулейман, возвышающуюся над городом, слышали примерно те же истории и поверья, которые приводятся в его мемуарах. Из Оша по старой караванной дороге через перевалы Талдык и Иркештам мы попадали в Кашгарию. В сторону Китая круглосуточно шли фуры, перегруженные металлоломом, – в среднеазиатских республиках разбирали остатки советского хозяйства. Навстречу шли грузовики с китайскими товарами. Как оказалось, по ту сторону границы еще немало местных жителей понимали кириллицу. В киргизской юрте на берегу Гез-дарьи нам показывали бережно хранимую книгу советского времени с фотографиями про процветающую Киргизию.

На наших глазах начиналось уничтожение старых самобытных кварталов Каш-гара и преобразование центральной части города в духе глобализации по-китайски. В те годы это в меньшей степени коснулось Хотана и Керии, расположенных на юге. Теперь жизнь, быт и устройство этих городов сильно отличаются от той картины, которая предстает на страницах воспоминаний Громбчевского. Уже давно нет здесь описываемых ниже маньчжурских чиновников и солдат. Китайское государство сейчас хорошо организовано, стало больше порядка. Пустыню пересекают прекрасные дороги, электричество протянуто в самые отдаленные горные селения. Под Турфаном раскинулись ветропарки с установленными на них ветряными электростанциями, изготовленными в Китае. Все города севера Кашгарии связаны железной дорогой с центральными и восточными районами страны. В то же время сохранились колорит и своеобразие центральноазиатского уклада жизни: базарные дни в крупных селениях, повозки, связки живых кур и горы мясных туш, уличные ювелиры и кузнецы, национальная музыка, ночная жизнь в месяц Рамадан, горные жители в бараньих папах, обмен голубями... На галечных россыпях Юрункаша по-прежнему бродят искатели нефрита, у Керии-дарьи маль-

---

¹⁷ Автор с 1993 по 2009 г. был организатором, руководителем и участником самостоятельных альпинистско-туристских экспедиций на территории Синьцзяна и пограничных с ним районов СНГ. Участниками экспедиций были спортсмены из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева. Особо хотелось бы выделить здесь москвичей Андрея Лебедева и Бориса Малахова.

¹⁸ Это был необычный вид вдоль осевой линии хребта, когда взору представлялись одновременно и северные, и южные крутые склоны этого гиганта.

чишки-продавцы размахивают связками свежей рыбы, а в летние ночи в торговых кварталах можно увидеть людей, спящих на земле прямо у обочины дороги. Стоит заметить, что, как и в давние времена, нам приходилось иной раз сталкиваться с недоверчивостью и подозрительностью местных властей, вплоть до нелепых обвинений в незаконной съемке местности и сборе образцов почвы.

Основное население Кашгарии – уйгуры, китайцы-ханьцы и дунгане. Казахи Синьцзяна проживают вдоль предгорной полосы Восточного Тянь-Шаня и в китайском Алтае на границе с Монголией. Синьцзянские киргизы и таджики-сарыкольцы живут лишь на крайнем западе района – в Сарыколе и на китайском Памире, начиная с верховий р. Каракаш, берущей начало в горном узле Карангутаг. В стороне от дорог их уклад жизни крайне мало изменился. Обитатели горных долин и предгорий западного и северного склонов Куьнлуя, которых относят к уйгурам, в работах русских путешественников упоминались как махинцы (мальчинцы¹⁹) и таглыки. В их облике и сейчас видно смешение разных древних народов – индоевропейцев, тибетцев, тюрков. Обычаи махинцев подробно описаны в отчете 4-й Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского. В топонимике района остались следы древнетюркского и древнеиранских языков. К примеру, реки имеют в своем названии, как правило, сложносоставном, корневые основы иранского или тюркского происхождения. К первой группе относятся гидронимы с корневой основой «дарья» (река) – Хотан-дарья, Керия-дарья, Ния-дарья и др., ко второй – с основой на «су» (вода, река) – Аксу, Маркансу и др. Широкое использование иранских и тюркских основ в топонимике района – названиях местностей, гор, перевалов, селений и пр. – представляет собой одну из интересных особенностей, связанную с географическим распределением тюркского и ираноязычного населения в пределах Западной Кашгарии.

Первые маршруты наших путешествий пролегали по высокогорью китайского Памира в районе ледовых гигантов Музтаг-Ата и Конгур. Сегодня близ них проходит стратегическое Каракорумское шоссе, связывающее Китай с Пакистаном. Несмотря на частые оползни и паводки, оно постоянно поддерживается в рабочем состоянии. С дороги нередко видны стоящие поодаль юрты кочевых киргизов. Здесь мы пересеклись с маршрутом возвращения Б. Л. Громбчевского из экспедиции в Канджут. Во второй раз мы оказались на другом отрезке того же маршрута уже в 2005 г. по возвращении из Северо-Западного Тибета, куда вышли с Керии-дарьи через теснины, пустыни и ледники Куьнлуя. Обратный наш путь проходил мимо поворота на перевал Русский по долине р. Каракаш через Шахидулла-ходжу в долину р. Раскем-дарьи и далее через многочисленные отроги и перевалы Куьнлуя на равнины Кашгарии. Удалось побывать нам и на Тянь-Шане, в киргизско-китайском порубежье, также посещенном Громбчевским.

Далеко не сразу мы решились подступиться к горной стране, вздымающейся на юге Синьцзяна, – системе хребтов Куьнлуя, переходящей в Тибет. Именно здесь проходило не слишком удачное завершение маршрута 2-й Центральноазиатской экспедиции Громбчевского. До этого нами уже был накоплен немалый опыт активной автономной жизни в условиях высокогорий, преодоления встречающихся здесь разнообразных препятствий: скальных ступеней и обрывов, крутых снежно-ледовых склонов, разорванных ледников, бродов через горные реки. То, что было написано в старых отчетах русских и иностранных путешественников, настораживало. Тут были иные, не вполне известные и привычные нам препятствия. На коротком отрезке хребты поднимались до высот в 6500 м. Самые доступные перевалы превышали высоту 5000 м. Стекающие в сторону пустыни реки пробивали в лессовых толщах и скальных массивах глубокие и узкие щели-каньоны, доступные для прохождения лишь весной и осенью. Пробившись сквозь передовые теснины, а надо сказать, что приходилось идти местами по пояс в воде или

¹⁹ Надо сказать, что сейчас название «махинцы» применяется лишь к пастухам. Сами местные (напр., в селении Полу) называют себя *таглыками* (горцами).

карабкаться высоко над бурлящим потоком по скалам, мы оказывались на огромных – шириной в десятки километров – безжизненных равнинах с отдельно стоящими вулканическими конусами²⁰, окаймленных цепями высоких хребтов. Найти путь вверх с предгорий нам помогали проводники таглыки, до сих пор пользующиеся весьма простыми картохемами. Видно, что они не раз бывали на плато, знают источники, места с фуражом для лошадей и ослов.

А местности эти, надо сказать, мало приспособлены для жизни не только людей, но и животных. Пресная вода здесь редкость, а к осени, не говоря о зиме, большинство ручьев пересыхает. Нередко талые воды со снежников и ледников, пробежав под поверхностью почвы, выходят наружу уже крайне засоленными. Вода в озерах в этой местности также оказывалась либо крепко соленой, либо щелочной. Эмоциональные повествования о проблемах с водой, падежом выючных животных от высоты и бескормицы можно встретить как на страницах настоящей книги, так и в трудах других путешественников (Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, Аурела Стейна, Свена Гедина)²¹. Днем – яркое солнце при ясном небе. При этом дует постоянный пронизывающий ветер. Для приготовления пищи приходится устанавливать палатку. Ночью температура падает ниже –20 градусов. Нередко выпадающий снег превращает на время галечные (дресвяные) плато в труднопреодолимые грязевые пространства. Повсеместно встречаются кости павших животных, как диких, так и выючных, одинокие могилы.

Горы и пустыни на стыке Куньлуня и Тибета представляют собой заповедные края с обилием животных и птиц. Мы повсеместно встречали куланов и диких яков, как отдельных особей, так и целые группы, а на тибетской стороне – стада антилоп чиру. Натыкались на зайцев, которые, замирая, напоминали неподвижные камни. В небольшом кармане ледника Юрунг нам встретила стая волков. В небе парили огромные орлы, а на мелководье соленых озер бегали и плавали небольшие птицы, похожие на куличков и нырков. К нашему удивлению, на высотах за 5000 м попадались норы пищух и сусликов. По камням сновали ящерицы агамы. Высоко в небе с криком летели стаи перелетных гусей. Более мелкие птицы летели через перевалы. Как и 100–200 лет назад, сюда по-прежнему пробираются группы дунган-золотоискателей, добывающих металл еще древними способами. По пути к урочищу Шоркуль мы видели на истоке р. Толан-ходжа примитивную промывку золота лотком рядом с дорогой, а в 60 км по той же дороге расположен крупный открытый рудник, упоминаемый еще в отчетах путешественников XIX в. В последнее десятилетие началась промышленная разработка золота открытым способом и на участках среднего течения р. Юрункаш, куда была проведена дорога через высокий перевал в районе горы Музтаг. Именно к этим местам пытался пройти Б. Л. Громбчевский в декабре 1889 г. из долины р. Кара-каш через пер. Русский²².

В летние месяцы 1998, 2000 и 2003 гг. нами был исследован район семитысячников Музтаг-Ата и Конгур. В 2002 г. мы оказались севернее китайского г. Аксу в ледовых узлах к югу и востоку от пика Победы (Томур). Осенью 2003 г. после многочасовой тяжелой дороги среди лесовых холмов над ущельем р. Керия мы впервые добрались до исторического селения Пулу на р. Кураб-дарья. Время в селении, кажется, почти остановилось, несмотря на проведенное в него электричество. В верховьях реки расположен один из немногих на протяжении сотен километров в широтном направлении доступный проход²³ в Тибет. Именно через него в VII в. спустились отряды воинственных тибетцев, занявших Хотан. Позже здесь прошел на север известный пандит Кишен Сингх, пытался пройти Н. М. Пржевальский в 1886 г., Б. Л. Громбчевский прошел через этот перевал в мае 1890 г. Мы использовали этот путь после еще дважды, в 2005 и 2006 гг.

²⁰ Вулкан Ачик-Шань к югу от оз. Сегиз-Куль – крайней точки маршрута Б. Л. Громбчевского – извергался в мае 1951 г.

²¹ Мы в полной мере испытали это и на себе.

²² Лебедев А. А., Чхетиани О. Г. Загадка перевала Русский. Вот где погибалась экспедиция Громбчевского. URL: <https://www.risk.ru/blog/14390> (дата обращения: 03.05.2019).

²³ Перевал Атбель, высота 5140 м.

В главном хребте Западного Куньлуня можно выделить два крупных узла оледенения и концентрации высоких гор. Это узел Аксайчина с покровным оледенением, пересеченный нами в 2005 г., и узел Чонг-Музтага, впервые исследованный в экспедиции 2006 г., более удаленный от автомобильных и караванных дорог²⁴. Р. Керия в своих верховьях разделяет эти два узла оледенения. В хребте расположено не меньше семи вершин с высотами чуть ниже 7000 м. В 2009 г. мы совершили первовосхождение на главную вершину массива высотой 6974 м.

Трудно описать словами в полной степени очарование, красоту и величие этих мест. Одновременно прекрасных и смертоносных. Ни фотографии, ни видео не могут передать испытываемых здесь путником эмоций и чувств! За 12 лет с 1998 по 2009 г. мы проехали и прошли по горам и пустыням этой обширной и замечательной дружелюбной страны многие тысячи километров, прониклись уважением к отваге и упорству наших соотечественников и других исследователей Центральной Азии, посещавших эти края более века назад.

Предлагаемая вниманию читателей книга, несмотря на давность событий, и сейчас представляет интерес не только как уникальный исторический источник, полный разнообразных географических и этнографических сведений, но и как увлекательный и интригующий рассказ самого Б. Л. Громбчевского о совершенных им удивительных и опасных путешествиях в землях далеких и неведомых.

О. Г. Чхетиани

---

²⁴ Большинство северных долин хребта представляют собой глубокие плохо проходимые каньоны, пробитые водой в вулканических породах. Нам удалось найти разумный и красивый переход на Тибетское нагорье в восточной части хребта. Ледовый перевал высотой 5800 м получил название «Русского Географического общества» в память о славных наших предшественниках, активно и широко исследовавших Центральную Азию на рубеже XIX и XX вв. С перевала мы любовались белыми вершинами хребта Русского, лежащего на севере, с красивейшей горой Царя-Освободителя (так назвал высшую точку этого хребта Н. М. Пржевальский) – снежным куполом с мощными белыми плечами.

Часть I. Кашгария. Страна и люди: путешествие по Центральной Азии

Глава I

Отъезд из Маргелана. Земледелие в Ферганской долине. Араван. Священные змеи и сталактитовая пещера. Ош. «Трон Соломона». Целебная скала для бездетных женщин

Первое путешествие в Кашгарию, провинцию на западе Китая, я совершил в 1885 г. при следующих обстоятельствах.

В то время я служил чиновником по особым поручениям при губернаторе Ферганской области, генерале Н. А. Иванове²⁵. Согласно договору между Россией и Китаем от 1881 г.²⁶ представителям обеих держав раз в три года надлежало инспектировать и приводить в порядок пограничные столбы, разделяющие два этих государства. Осуществить эту деятельность с российской стороны было поручено мне. Из Маргелана, где я тогда жил, мне предстояло отправиться в Кашгар, резиденцию китайской администрации, и оттуда, получив инструкции от российского консула в Кашгаре, выехать вместе с представителем Китая в сторону границы, которая проходила по хребту Тянь-Шаньских гор. На этом отрезке границы было 14 пограничных столбов, установленных на 14 перевалах Тянь-Шаня, через которые можно было переправиться из Китая в Россию.

Чтобы обрисовать тогдашние условия российской службы, замечу, что для поездки в соседнее государство, где мне в качестве официального лица надлежало вместе с представителем Китая объехать верхом около 700 км вдоль Тянь-Шаня, самой высокой горной цепи этой части азиатской возвышенности, я получил аванс в размере 200 руб., о которых по возвращении должен был отчитаться. Как поручику мне полагались 30 копеек суточных и «прогоны» на 1,5 лошади из расчета по 1,5 копейки за одну лошадь на один километр. Каким образом, располагая столь скудными средствами на дорожные расходы, можно было путешествовать по труднодоступным горам и к тому же в местности, населенной кочевниками, где буквально все, в том числе постель, палатки, консервы и т. д., приходилось везти с собой, то было ведомо одному российскому интендантству. Однако такой существовал порядок.

И все же я взялся за это поручение. За границу меня влекло непреодолимое желание побывать в краях, которые были по тем временам *terra incognita*.

Я был извещен о предстоящей командировке 7 августа, а уже 10-го выехал из Маргелана в Ош. Меня сопровождали пятеро оренбургских казаков в качестве конвоя и двое местных джигитов как личная прислуга. Багаж везли две выючные лошади.

Весь караван состоял из восьми хорошо вооруженных людей, восьми верховых и двух выючных лошадей²⁷.

---

²⁵ Иванов Николай Александрович (26.01.1842–18.05.1904) – генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1901–1904). В описываемый период – военный губернатор Ферганской области.

²⁶ Имеется в виду «Договор между Россией и Китаем об Илийском крае», заключенный в Санкт-Петербурге 12 февраля 1881 г. – Прим. сост.

²⁷ Переводчика у меня не было. Переводчика, который знал бы китайский язык, в местной администрации не нашлось. Местными же наречиями – сартовским (узбекским) и таджикским – я сам владел в совершенстве. Незнание китайского языка и отсутствие квалифицированных переводчиков вынудили обе стороны использовать узбекский язык в качестве языка дипломатии. Ноты китайским властям русские писали по-русски, прилагая перевод на узбекском языке. Китайцы же писали ноты по-китайски, также прилагая перевод на узбекском. При личных контактах русские вели переговоры через переводчиков,

Дорога из Маргелана в Ош, проложенная через плодородную Ферганскую долину, поддерживается в хорошем состоянии. Живописные селения утопают в садах с раскидистыми абрикосовыми деревьями; повсюду персиковые и гранатовые деревья, фиговые кусты; толстые виноградные лозы, поддерживаемые деревянными опорами, напоминают тенистые беседки, где местные жители всей семьей проводят дни и ночи, предпочитая их темным и душным саклям (глинобитные лачуги с плоской крышей). Поля засеяны гигантской высоты кукурузой или джугарой (сорго), стебли которой так высоки, что всадник на лошади утопает в джугаровом поле, словно в море.

Плнтации ароматных дынь являются одним из главных источников существования для местных жителей; гигантские арбузы, диаметр которых достигает 70 см, здесь такие сладкие и сочные, что в них даже сверкают сахарные кристаллы. Изгороди увиты горлянкой, огромные плоды которой выдалбливают и используют как кувшины для воды или как чилимы (кальяны) для курения табака через воду. Поля возделываются с особой тщательностью, при помощи искусственного орошения, так как с марта по октябрь дождей нет вовсе и растительность произрастает благодаря поливу каждые 2–3 дня водой из каналов (арыков). Длина их достигает ста и более километров: на таком удалении протекают горные реки, снабжающие арыки водой. Каждая пашня обсажена тузовыми деревьями, листья которых используют для разведения шелкопрядов, а получаемые в изобилии шелк и атлас окрашивают в яркие цвета и шьют из них ватные халаты и женские платья. Более влажные участки занимают поля, целиком засеянные рисом или хлопком; последний хотя и не так требователен к воде, как рис, но все же нуждается в ней гораздо больше, чем иные посевы.

Все это радует взор и вызывает восхищение и, несмотря на чудовищную жару, скрашивает время в пути.

На ночлег мы остановились в небольшом селении Араван, в роще великолепных платанов и карагачей, окружающих могилу какого-то святого. Тут же рядом с могилой возвышается скала, а из-под нее сильной струей бьет кристально чистая, ледяная вода. В этом источнике, не замерзающем в зимнее время, обитает какой-то вид коричневых змей, длиною до полутора метров и толщиной с запястье руки.

Змеи время от времени выползают из воды и греются на солнце. Приезжающие на могилу местные паломники их не трогают, так как они не ядовиты и, согласно поверью, оберегают могилу святого и самих паломников от джиннов и других нечистых духов, обитающих в ветвях этих прекрасных деревьев.

Селение Араван со всех сторон окружено скалистыми горами. На одном из склонов высоко, под самым небом, находится сталактитовая пещера²⁸, соединенная с группой таких же пещер узкими переходами, в которых можно передвигаться только ползком на животе. Чем дальше вглубь, тем великолепнее становятся пещеры, а их стены – все белоснежнее. По преданию, эту пещеру в скале обнаружил тот самый святой, который погребен в роще. Переползая на животе из одной пещеры в другую, я не мог избавиться от мысли о том, что вот-вот случится столь частое в этих краях землетрясение и коридор, где я нахожусь, окажется завален. Ближайшая ко входу пещера не производит особого впечатления; ее стены закоптились от огня, который разводят паломники, посещающие могилу и пещеру. При могиле есть мечеть и несколько мулл, наживающихся на легковёрности местных жителей, находящихся под большим впечатлением от незамерзающего источника с ледяной водой, священных змей и чудесной пещеры со сталактитами и сталагмитами.

От Аравана до Оша 24 км. Ош – это уездный городок, лежащий на берегу бурной горной реки Ак-Бура (что значит «белый верблюд») на высоте около 900 м над уровнем моря.

знавших русский и узбекский языки, а переводчики китайской стороны владели китайским и узбекским. – *Прим. авт.*

²⁸ Пещера Чиль-Устун, расположенная в 3,5 км от современного поселка Араван.

Местные климатические условия едва ли не самые лучшие во всей Ферганской долине. Жара здесь не столь мучительна, так как по ночам, чрезвычайно душным в других районах, дует прохладный ветерок с гор. Зимой почти всегда выпадает снег, но быстро тает; бывают, однако, зимы, когда снежный покров держится 2–3 недели, так что можно даже ездить на санях, чего никогда не случается в других частях Ферганской долины. Свежая, чистая вода из Ак-Буры подводится с помощью арыков к полям, что дает возможность их обильного полива и благоприятствует садоводству. Городок утопает в зелени, и более всего его европейская часть, расположенная выше сартовской части вверх по течению реки. В Оше уже созревают яблоки, а завезенные три года назад из Франции груши дали урожай сказочно сладких, весом до одного килограмма плодов; под тонкие ветви грушевых деревьев пришлось устанавливать подпорки с сетчатыми мешками, в которых и вызревали плоды. Поражает здесь также изобилие абрикосовых деревьев. Вообще абрикосовые деревья распространены в Ферганской долине так широко, что их используют в качестве топлива. Достопримечательность Оша – высокая, почти двухсотметровая скалистая гора, верх которой словно обрублен. Она носит название Тахт-и-Сулейман («Трон Соломона») и притягивает летом тысячи паломников, в основном женщин.

На одном из склонов горы есть отвесная скала, отполированная спинами мусульманских женщин. Стоит бесплодной женщине трижды соскользнуть с этой скалы (разумеется, под соответствующие молитвы муллы), и она навсегда исцеляется от бесплодия, которое, по местным понятиям, является Божьей карой и служит поводом для развода.

Ежегодно сюда стекается множество молодых паломниц, желающих излечиться от бесплодия.

Глава II

Лангар. Воспоминания о событиях 1876 г. Посольство к Бадаулету. Нападение шайки Мулла-Худай-Берды. Посол Куропаткин ранен. Подкрепление. Судьба правителя Кашгарии Якуб-бека и его потомков

Расстояние в 70 км между Ошем и укреплением Гульча мы преодолели за один день, хотя дорога шла через крупные перевалы, достигающие в высоту 2100 м. До ур. Лангар можно было добраться даже на повозке, но дальше в горы уходила узкая тропа. Лангар запомнился мне очень ярко еще в 1876 г. вследствие интересного происшествия, имевшего политические и дипломатические последствия, в котором мне довелось участвовать. Поэтому я позволю себе сделать отступление и рассказать об этом эпизоде.

Западной частью Кашгарии правил в те времена Якуб-бек²⁹ – авантюрист, сарт по происхождению, родом из-под Ташкента. Подняв население Кашгарии на антикитайское восстание, он захватил семь округов. Китайские войска частью отступили за пустыню Такла-Макан, частью сдались Якуб-беку и приняли ислам. Последних Якуб-бек включил в состав своей армии, назвав их «янги мусульман» («новые мусульмане»). Прогнав китайцев, Якуб-бек взял титул Бадаулет («счастливый») и провозгласил себя ханом Джеты-шаара («Семиградья»). В благодарность за избавление от китайцев народ стал именовать его Аталык-гази («воин за веру»).

Тем временем генерал-губернатор Туркестана, генерал-адъютант К. П. фон Кауфман³⁰, овладел Кокандским ханством и присоединил этот прекрасный край к Российской империи. Выслав свергнутого хана Худояра³¹ с сыном в российскую глубинку (в Тулу³²), он решил установить дипломатические отношения с ближайшим восточным соседом, правителем Джеты-шаара Бадаулетом Якуб-беком. Кашгария в те времена была абсолютной *terra incognita*³³.

Итак, было организовано посольство к Бадаулету. Начальником посольства был назначен штабс-капитан Алексей Куропаткин³⁴ (впоследствии занимавший в течение многих лет пост военного министра, а также пост главнокомандующего российской армией во время русско-японской войны). Заместителем посла стал его брат, артиллерийский капитан Нил Куропаткин³⁵, а функцию офицера для поручений при после выполнял я, в то время будучи в чине

²⁹ *Якуб-бек, или Магомет Якуб-бек Бадаулет* (ок. 1820–1877) – кокандский авантюрист, насильственно захвативший власть в Восточном Туркестане в период антицинского восстания (1864–1865). Установил в Восточном Туркестане авторитарное правление, расставив на ключевые посты в созданном им государстве выходцев из Кокандского ханства. Вел активную внешнюю политику, пытаясь играть на англо-русских противоречиях в Средней Азии. Стремился по отдельности заручиться поддержкой Великобритании, России и Османской империи в обеспечении безопасности своих владений от китайцев. В мае 1877 г. скончался при не вполне выясненных обстоятельствах. Вскоре после его смерти китайский экспедиционный корпус захватил Кашгар и восстановил китайский контроль над Восточным Туркестаном.

³⁰ *Кауфман Константин Петрович фон* (19.02.1818–04.05.1882) – русский военный и административный деятель, генерал-губернатор Туркестанского края и командующий войсками Туркестанского военного округа.

³¹ *Сайид Мухаммед Худояр-хан* (1829–1886) – правитель Кокандского ханства в 1845–1851, 1851–1858, 1862 (дважды с небольшими перерывами), 1865 (июль) – 22.07.1875.

³² Здесь имеется неточность. Худояр-хан был сослан в Оренбург.

³³ Это не совсем так. К описываемым событиям в Восточном Туркестане побывали немецкий путешественник А. Шлагинтейт (убит в Кашгаре в 1857 г.); русские исследователи – поручик Чокан Валиханов (1858), капитан П. Я. Рейнталь (1868, 1875), Генерального штаба капитан А. В. Каульбарс (1872); британские – Р. Шоу (1868, 1869), Дж. Хейуард (1869), Т. Д. Форсайт (1869), британская дипломатическая и военно-научная миссия Т. Д. Форсайта (1873–1874). Последней принадлежит и первенство в создании первой научной карты Восточного Туркестана. В этот список не входят русские купцы, а также британские туземцы-разведчики (пандиты).

³⁴ На момент описываемых событий А. Н. Куропаткин имел чин капитана Генерального штаба.

³⁵ *Куропаткин Нил Николаевич* (25.05.1851–1881) – капитан артиллерии, родной брат А. Н. Куропаткина. По воспоминаниям В. П. Наливкина, «это был в высокой степени симпатичный и далеко недюжинный человек. Красивый и мощный физи-

корнета³⁶. Кроме того, к нам были прикреплены топограф, штабс-капитан Н. Старцев³⁷, а также переводчик-татарин, капитан А. Сунаргулов³⁸.

Посольство сопровождали 50 хорошо экипированных джигитов на отличных лошадях, 15 оренбургских казаков, а также 60 выючных лошадей, которые везли посольский багаж и дары для Бадаулета от правителя Туркестана, генерал-адъютанта Кауфмана.

Из Оша мы выступили в полдень. Погода стояла великолепная, местность казалась совершенно спокойной. Аталык-гази охотно согласился принять посольство и отдал необходимые распоряжения, чтобы облегчить наше передвижение. Казалось, ничто не должно было препятствовать нашему приятному путешествию в неведомую Кашгарию. Меж тем судьба распорядилась иначе.

Переночевав в 18 км от Оша, мы двинулись дальше в сторону Гульчи. Впереди ехал отряд из 20 джигитов во главе со своим командиром Хаким-беком на великолепном туркменском аргамеке. В трех четвертях километра от них двигались мы вчетвером, замыкал нашу группу только один казак. Старцев вместе со вторым ординарцем остались где-то в стороне и вели топографические работы. Позади, в километре от нас, растянулась вереница выюков в окружении джигитов и остальных казаков из конвоя, которые охраняли посольскую кассу и выюки с ценными подарками для владельца Джеты-шаара. Так как впереди ехал отряд джигитов, мы передвигались совершенно без опаски, весело разговаривая.

Неожиданно раздался ружейный залп. Пули засвистели со всех сторон.

Посол, штабс-капитан Куропаткин, был ранен в левую руку выше локтя. Мой конь упал как подкошенный: пуля угодила ему прямо в лоб. Нил Куропаткин и Сунаргулов не пострадали. Казак после залпа повернул назад и поскакал к своим товарищам, ехавшим позади в нескольких километрах от нас.

Оказалось, что в каких-нибудь двухстах-пятистах шагах от дороги, по которой мы ехали и мирно беседовали, был глубокий овраг, по дну которого протекал пересохший в это время года ручей. В этом овраге укрылись около ста вооруженных разбойников из шайки кипчаков (одного из самых воинственных племен среди местных киргизов) под предводительством Мулла-Худай-Берды («от Бога данный»). Нападавшие, разумеется, были прекрасно осведомлены о передвижении посольства, ибо укрылись в овраге так хорошо, что ни мы, ни джигиты, ехавшие впереди в клубах пыли, не заметили засады.

Тем временем к стрелявшим в нас в овраге присоединилась толпа вооруженных всадников, ведущих под уздцы лошадей без седоков. Все оседлали коней, но, не сумев выбраться верхом из глубокого оврага на дорогу, на которой мы находились, частью бросились атаковать джигитов, а частью двинулись вперед, пытаясь найти выход к дороге.

чески, с умным открытым лицом, с вечно приветливой улыбкой. Всегда веселый, добродушный и остроумный, не пьяница, но и не дурак выпить в подходящей компании, беззаветно отважный...». См.: *Наливкин В. П.* Мои воспоминания о Скобелеве // *Русский Туркестан*. – 1906. – № 119.

³⁶ Это не соответствует действительности. Громбчевский никогда не имел чин корнета и на момент описываемых событий находился в чине прапорщика. О составе посольства см.: *Куропаткин А. Н.* Кашгария: Историко. – геогр. очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля: Труд А. Н. Куропаткина, полк. Ген. штаба, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. – СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1879. – С. 2.

³⁷ *Старцев Никита Петрович* (1845 – 11.08.1883) – майор, топограф Туркестанского Военно-топографического отдела, участник нескольких экспедиций и рекогносцировок по Туркестану, дважды посетил Кашгар (1872, 1876), совместно с Генерального штаба капитаном А. Н. Куропаткиным составил первую в России научную карту Восточного Туркестана. См.: Карта северной части Восточного Туркестана по сведениям капитана Куропаткина и маршрутной съемке штабс-капитана Старцева в 1876 г. Картографическое заведение ВТО Главного штаба, 1879. Масштаб: 40 верст в дюйме, 87×48,5 см, в цвете, рельеф тушевской. Карта приложена к отчету А. Н. Куропаткина: – Кашгария: Историко. – геогр. очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля: Труд А. Н. Куропаткина, полк. Ген. штаба, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. – СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1879. – iii, 435 с.

³⁸ *Сунаргулов А. М.* (? – 1892) – капитан на службе по линии военно-народного управления Туркестанского генерал-губернаторства.

Мы сгрудились вокруг раненого начальника посольства, заслоняясь лошадьми от одиночных выстрелов. У каждого из нас имелся только палаш, защищаться нам было нечем. Лишь по счастливой случайности у Нила Куропаткина оказался револьвер Смита-Вессона, который он вытащил из седельной кобуры.

Вдруг мы увидели, что разбойники, которым удалось выбраться на дорогу, мчатся на нас. Впереди, значительно опережая остальных, на превосходном сером коне скачет старик с длинной седой бородой, в огромной чалме, держа в левой руке зеленое знамя пророка и обнаженный кривой ятаган в правой. Он был уже почти в 30 шагах от нас, беспомощно стоявших посреди дороги, и тут Нил Куропаткин выстрелил. Старик еще какое-то время продолжал двигаться в нашем направлении, затем покачнулся, выпустил знамя из руки и упал на дорогу, а конь его описал полукруг и ускакал в сторону. Мчавшаяся за стариком группка из 20–30 наездников при виде упавшего вожака повернула назад вслед за его конем.

В это время сзади, гоня лошадей во весь опор, прискакали казаки и привели с собой лошадей с посольской кассой и выюками с самыми ценными подарками. Сняв с животных кожаные сумки, мы сложили из них баррикаду для защиты раненого начальника посольства. Казаки быстро сбатовали³⁹ лошадей и уложили их на бок, сформировав из них четырехугольник, хотя бы частично служивший для нас укрытием.

Неожиданно мы видим, как к нам мчится плотная масса наездников числом в 80–100 человек с криками: «Алло! Алло!» Казаки дают залп уже за 600 шагов, а затем продолжают непрерывный обстрел. Атакующие теряют нескольких всадников и, не выдерживая огня, рассыпаются в разные стороны. Атака повторяется еще раз и вновь рассыпается на расстоянии 150–200 шагов от нас. Часть посольского багажа на самых хороших лошадях присоединяется к нам; багаж мы снимаем и укладываем в форме четырехугольника вместо лошадей, которые теряют терпение и не хотят лежать, особенно когда слышат топот атаки. Часть выюков попадает в руки разбойников, которые на наших глазах потрошат их и разворовывают.

Ватага собирается снова, но уже на некотором отдалении, после чего начинается своего рода спортивное состязание, подобного которому мне не доводилось видеть никогда в жизни.

От ватаги отделяются два-три батыра (лихих наездников, храбрецов), которые, спрятавшись за лошадьми, скачут галопом, чтобы забрать тело своего предводителя и зеленое знамя пророка. Казаки подпускают их как можно ближе и начинают обстрел. Батыр или падает на землю, или же описывает полукруг вдалеке от тела вожака и возвращается к своим.

На окрестных горах, до этого безлюдных, появляются верховые. Их количество растет с каждой минутой, и вскоре горы кишат всадниками, напоминая муравейник. Неизвестно откуда до нас долетает пуля крупного калибра, выпущенная, по всей видимости, из большой одностволки – из тех, какие местные жители используют при обороне своих крепостей. Через мгновение свистит другая, третья; десятая пуля тяжело ранит казачьего коня.

Положение становится неприятным. Хочется есть, пить, но местность кругом абсолютно безводная, и, хотя у нас достаточно консервов, приготовить их не на чем. Мы грызем сухари, которые оказались в казачьей сумке.

Особенно тяжелым оказалось положение раненого начальника посольства. Рану промыть не удалось, так как воды не было. О настойке йода никто и не вспомнил, хотя, вероятно, она и была в дорожной аптечке. Мы наложили на грязную рану повязку, чтобы остановить кровь. Началась лихорадка; чтобы утолить жажду, мы даем раненому глоток вина, после чего жажда усиливается. А на горах скапливается все больше людей. Мы почти не сомневаемся, что с наступлением ночи с нами будет покончено.

---

³⁹ *Батовать* – татар. «батынг», вязать – способ ставить в поле верховых лошадей, связывая вместе так, чтобы они стояли смирно.

Неожиданно, около пятого часа пополудни, со стороны Оша мы замечаем огромное облако пыли. Нам удастся разглядеть внушительное количество лошадей, меж которых белеют солдатские рубахи. Мы понимаем, что это спешит подкрепление.

Оказалось, что предприимчивый командир наших джигитов, Хаким-бек, сразу же после первого ружейного залпа соскочил со своего великолепного туркменского скакуна, посадил на него 15-летнего сына (который собирался проводить его до Гульчи и вернуться назад), вложил ему в руку нагайку и велел во весь опор мчаться в Ош и сообщить о нападении местным властям. Мальчуган, несмотря на погоню, которую организовали догадавшиеся о его намерениях разбойники, за час преодолевает 35 км, врывается на двор местной администрации и рассказывает о случившемся.

Уездный начальник, не теряя времени, собирает роту пехотинцев (кавалерии в Оше не было), реквизирует всех лошадей, каких только удалось найти, сажает пехотинцев по двое на одну лошадь, остальным приказывает держаться за стремяна и спешит к нам на помощь. Мы вздохнули с облегчением.

Пехота сделала несколько залпов из дальнобойных берданок, и горы сразу же опустели. За четверть часа шайка исчезла без следа, и снова воцарилась тишина вокруг.

Мы повернули назад к ближайшему источнику воды, приготовили чай, накормили солдат консервами из посольских запасов и, уложив посла на носилки из двух шестов, привязанных к седлам двух лошадей, к утру возвратились в Ош.

Само собой разумеется, что с отправлением посольства к Якуб-беку было решено подождать до выздоровления посла, а поскольку генерал свиты Скобелев, тогдашний военный губернатор Ферганской области и командующий войсками, немедленно организовал карательную экспедицию для окончательного покорения кочевников, то я отказался от участия в посольстве и в качестве ординарца при генерале отправился в новый поход⁴⁰. Вернулся я из него поздней осенью, когда начальник посольства, капитан Куропаткин, поправился и уже находился в Кашгарии⁴¹.

Чтобы не возвращаться более к этому эпизоду, добавлю, что Аталык-гази умер в 1877 г. По всей вероятности, он был отравлен одной из своих многочисленных жен. Его место на шатком троне молодого государства Джеты-шаар занял его сын Бек-Кули-бек. Начались внутренние раздоры. Беки двух самых богатых округов – Яркендского и Хотанского – отложились и не захотели признать сына Аталык-гази своим правителем. Между ними началась война, которая закончилась победой Бек-Кули-бека, однако власть его пошатнулась. Этим воспользовались китайцы: с помощью полковника Ю. А. Сосновского⁴², который за значительное вознаграждение доставил китайскому главнокомандующему из Западной Сибири необходимое количество верблюдов, они перешли Такла-Макан и неожиданно напали на Бек-Кули-бека.

Полки янги-мусульман, в которые Якуб-бек набрал около 15 тыс. солдат, перешли на сторону китайцев, сея панику и сумятицу в армии Бек-Кули-бека. Он был окончательно разгромлен, бежал в Россию и поселился в родном Пскенте, под Ташкентом (где я несколько раз его навещал), и жил на скромном жалованьи российского правительства. Кашгарию заняли

---

⁴⁰ Этот факт не соответствует действительности. В период Алайского похода Громбчевский состоял ординарцем у начальника Гульчинской колонны флигель-адъютанта полковника князя Ф. К. Витгенштейна, что зафиксировано в послужном списке Громбчевского.

⁴¹ Это не совсем точно. Громбчевский вернулся из Алайского похода 27 сентября 1876 г., тогда как Куропаткин выступил в Кашгар 7 октября.

⁴² *Сосновский Юлиан Адамович* (20.05.1842–1897) – Генерального штаба полковник. В 1874–1875 гг. возглавил Учено-торговую экспедицию в Китай, кроме научных работ провел переговоры с генерал-губернатором китайской провинции Ганьсу-Шэньси и начальником китайских экспедиционных войск в Западном Китае Цзо Цзунтаном о поставках русского продовольствия китайским войскам. Упомянутых Громбчевским поставок верблюдов не осуществлялось. Китайский экспедиционный корпус двигался вдоль старой караванной дороги из Урумчи в Кашгар, которая огибала пустыню Такла-Макан и проходила по оазисным районам.

китайцы; они находятся у власти и по сей день, переименовали Джеты-шаар («Семиградье») в Нан-лю-бо-чин («Южное Восьмиградье»)⁴³, а резиденция генерал-губернатора этой провинции располагается в Урумчи.

Весь этот эпизод, о котором я рассказал выше, ярко характеризует российскую внешнюю политику. С одной стороны, губернатор Туркестана шлет послов к Якуб-беку с богатыми дарами, желая заключить с ним дружественный союз и укрепить тем самым его авторитет; разумеется, это делается намеренно, так как России выгоднее иметь в качестве соседа слабого хана, руководствующегося собственными интересами, чем могущественную Китайскую державу. Более того, сыну хана Россия предоставляет убежище и выплачивает жалованье, приберегая его тем самым в качестве претендента на трон Джеты-шаара в случае конфликта с Китаем. И одновременно с этим другое должностное лицо в том же российском правительстве в Западной Сибири доставляет китайцам верблюдов, чтобы они могли переправиться через Такла-Макан и захватить Кашгарию⁴⁴!

⁴³ Более правильное название – *нань-лу-ба-чэн* – *кит.* ##### букв. «восемь городов по южной дороге», под этим названием понималась Западная Кашгария. Это название было известно со времен цинского завоевания по числу главных городов, в ней расположенных, – Карашар, Куча, Аксу, Учтурфан, Кашгар, Янги-Гиссар, Яркенд и Хотан. Громбчевский ошибается, когда говорит, что китайцы переименовали «Семиградье» в «Южное восьмиградье», поскольку название *нань-лу-ба-чэн* использовалось китайской администрацией Западного края и до мусульманского восстания 1864–1877 гг. В 1884 г. на территории прежних владений Якуб-бека в Кашгарии, а также Джунгарии была образована новая китайская провинция, получившая название Синьцзян («Новая граница»).

⁴⁴ Громбчевский искажает истинные цели российской политики в отношении государственного образования Якуб-бека. Русское правительство всегда считало Якуб-бека враждебным по отношению к России и стремилось устранить угрозу у своих туркестанских границ без военного вмешательства, поощряя к этому законное китайское правительство. Русские посольства к Якуб-беку являлись вынужденной мерой с целью не допустить усиления британского влияния в Кашгаре и предотвратить нежелательный военный конфликт с Якуб-беком и не преследовали целей «укрепления авторитета» последнего. Наследник кашгарского престола Бек-Кули-бек и его семья, как и несколько тысяч беженцев из Кашгара, были приняты в русских пределах по гуманитарным соображениям с целью воспрепятствовать расправе над ними со стороны китайцев. Определенные политические виды на Бек-Кули-бека возникли только в связи с усилением напряженности в русско-китайских отношениях в период «илийского кризиса» (1880–1881).

Глава III

Гульча. Из Гульчи в долину Большого Алая. Торговые караваны и караван-сарай. Дорога через перевалы Терек и Талдык

Однако возвращаюсь к моему путешествию.

Река Гульча является одним из притоков Сыр-дарьи. Многочисленные притоки самой Гульчи образуют что-то вроде веера: она вбирает в себя воды всех рек, вытекающих с западного хребта Тянь-Шаньских гор, вдоль русел которых идут дороги на перевалы и далее в Китай. Долина реки в том месте, где выходит дорога из Оша, достигает двух километров в ширину; здесь растут высокие, раскидистые тополя, а также целый букет самых разнообразных кустарников: тамариск, облепиха, боярышник, терновник, калина, дикая малина и др. Горные склоны покрыты преимущественно арчовым лесом (арча – род туи, *Junipetrus*). Дерево это растет очень медленно, имеет необыкновенно твердую древесину, которая не гниет, не пропускает влагу, а потому местные жители, возводя свои дома из необожженного кирпича, укладывают толстые арчовые доски в основание стены. Такие дома стоят десятки лет. Гульча расположена на высоте 1500 м⁴⁵. На полях растут только яровая пшеница и ячмень. Кукуруза созреть не успевает, но местные жители в случае обильных снегов используют ее в качестве зимнего корма для скота.

Поскольку по долине Гульчи в долину Большого Алая и на альпийские пастбища Тянь-Шаня перемещается большинство кочевников из восточных частей Ферганской области, прогоняя с собой тысячи лошадей и сотни тысяч баранов, русские построили здесь крепость, в которой размещаются рота пехотинцев, 50 казаков и артиллерийская обслуга для двух орудий. В современных условиях ведения военных действий крепость эта не имеет никакого значения, но для кочевников, вооруженных одними фитильными ружьями, она оставалась неприступной. Кроме того, отсюда русские могли контролировать передвижение кочевников и немедленно снаряжать погоню за разбойничьими шайками, которые в те времена возникали как грибы после дождя, грабили всех подряд и быстро исчезали.

Дорога из Гульчи в долину Большого Алая (102 км) представляет собой узкую тропу⁴⁶, которая вьется вдоль реки вверх по ее течению, переходя с одного берега на другой. Это единственный путь для торговых караванов, которые везут товары из Ферганы в Кашгарию и обратно; караваны эти очень велики, они насчитывают 150–200 вьючных лошадей с пешими погонщиками, по одному на каждые 5–6 лошадей. В Оше и многочисленных городах Кашгарии, где, несмотря на существование колесных дорог, товары перевозятся преимущественно вьючно, существуют огромные караван-сарай для постоя торговых караванов. Как правило, они являют собой четырехугольное здание с огромными въездными воротами и обширным внутренним двором, вокруг которого располагается до ста и даже более помещений. Они используются как склады для товаров, а также служат кровом для самих путешественников. Сзади имеется еще один обширный двор со стойлами для нескольких сотен лошадей и помещениями для погонщиков. Днем вход в караван-сарай преграждает цепь, у которой неотлучно дежурит

---

⁴⁵ 1511 м. – *Прим. авт.*

⁴⁶ Восемью годами позже (в 1893 г.) я получил распоряжение проложить на месте этой тропы колесную дорогу. Поскольку тогдашние отношения с Китаем были весьма напряженными и со дня на день ожидали вооруженного конфликта, имелась необходимость как можно скорее проложить на месте горной тропы, по которой проходили только вьючные лошади, несущие на себе максимально 130 кг груза, колесную дорогу для движения двухколесных арб, запряженных одной лошадью и способных перевозить грузы весом до 500 кг. Работы были выполнены в течение 4 месяцев. Помогал мне в этом «сизифовом» предприятии поручик Зарако-Зараковский с отрядом саперов. Дорога пролегла через пер. Талдык (3589 м) в Алайском хребте и обошлась российскому правительству в 60 тыс. руб., включая расходы на постройку нескольких деревянных мостов через р. Гульча. – *Прим. авт. Зарако-Зараковский Ричард Иванович (08.04.1862 —?)* – подполковник, военный инженер. В описываемый период младший офицер Туркестанского саперного полубатальона.

нанятая хозяином охрана и следит за сохранностью товаров и лошадей; ночью же запираются тяжелые, окованные железом ворота сарая. Смотрители караван-сараяв тесно связаны с хозяевами выючных лошадей и за небольшую плату предоставляют купцам лошадей и погонщиков. Подобные караван-сарай строятся, как правило, в торговом центре города. Все оптовые сделки, за небольшим исключением, заключаются именно в них.

Помимо общедоступных караван-сараяв почти в каждом среднеазиатском городе встречаются еще и сарай для представителей определенных национальностей; в них не только останавливаются приезжие из определенной местности, но и в течение многих лет проживают представители одного народа. Так, например, в Хинду-сараяе селятся индусы – почитатели огня, меж бровей у которых красной краской нарисованы языки пламени; в Кашмир-сараяе останавливаются купцы из Кашмира, а в Джугут-сараяе (или Яхуди-сараяе) – евреи. Это значительно облегчает жизнь на чужбине соотечественникам, а также единоверцам. Проживание женщин в караван-сараях не допускается, а женатому купцу приходится снимать помещение для семьи в городе.

Вообще же касательно женщин в караван-сараях введены довольно строгие правила. Они таковы: женщины допускаются внутрь только в те часы, когда идет торговля, и только для покупки привезенных товаров или продажи их собственных изделий. В помещениях, служащих складом и жилой комнатой одновременно, окон нет, и свет попадает в них только через широкие двери, постоянно открытые настежь, а потому соседи и стражники всегда могут видеть, что происходит внутри. Купец не может пригласить женщину в свою комнату, так как это считается крайне неприличным. Обычно женщины сидят на общей веранде, которая окружает все комнаты-склады по периметру каждого двора, а торговцы выносят свои товары и демонстрируют их покупательницам прямо на веранде. После намаз-и-шам (вечерней молитвы) ни одна женщина не может остаться в караван-сараяе.

В 40 км от Гульчи, около ур. Терекны-аузы («устье Терека»), поросшего раскидистыми тополями, дороги расходятся: на юг, в долину Большого Алая идет дорога через пер. Талдык («ивовый») в Алайском хребте, а на восток – через пер. Терек⁴⁷ («тополиный») в Тянь-Шаньском хребте, напрямую к последней российской крепости на самой границе с Китаем – Иркештаму. Через пер. Терек (4023 м), путь к которому лежит по крутым и труднодоступным скалистым склонам, караваны идут зимой, так как снег сдувается сильными ветрами и перевал этот почти всегда доступен. Этим путем пользуются в основном путешествующие без выюков: хотя он и короче других на 30 км, но зато на восточной стороне Тянь-Шаня очень сложный брод через р. Коксу («зеленая вода»), которая вытекает с ледников, из-за чего в определенные часы жарких дней находиться в ней совершенно невозможно. Дорога на пер. Терек, особенно со стороны Ферганы, усыпана костями выючных лошадей и верблюдов, погибших на этой тропе и брошенных своими хозяевами. Мясо стало добычей волков, которые в большом количестве бродят в этих местах, а полоса белых костей указывает дорогу другим путешественникам. Можно найти здесь и кости и черепа людей, которые погибли на перевале, преодолевая его в одиночестве, пешком или верхом, и некому было предать их тела земле. Вот почему в летнее время караваны и путешественники предпочитают пер. Талдык (3596 м); этот пологий перевал приводит на великолепные альпийские пастбища долины Большого Алая, где караваны обычно отдыхают несколько дней, давая лошадям возможность подкормиться для дальнейшего пути в Кашгар, который проходит через лишенную растительности местность.

Мы двинулись через пер. Талдык⁴⁸, по пологим склонам которого вверх уходила зигзагообразная тропа. С вершины перевала открывается прекрасный вид на весь Алайский хребет

⁴⁷ Пер. Терек-даван (Терек) исторически являлся частью Великого Шелкового пути и служил основным горным проходом, связывающим Западный Туркестан с Кашгарией (бассейном Тарима).

⁴⁸ В отчете о поездке в Кашгарию Громбчевский пишет: «Путь от Оша до Иркештама через Гульчу и перевал Терек (175 верст) мы прошли в 4 перехода». См.: *Громбчевский Б. Л.* Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего

и Ферганскую долину с ущельями, покрытыми отличным арчевым лесом, который у подножия перевала мельчает, стелется по земле, а на вершине вовсе пропадает. Склоны Талдыка покрыты мягкой альпийской травой.

От пер. Талдык – небольшой спуск в долину, и оттуда к пер. Хатын-арт («женский перевал», 3513 м), с которого открывается неповторимый вид на долину Большого Алая.

Глава IV

Долина Большого Алая. Киргизы. Их нравы и обычаи. Байга. Скачки

Долина эта, протяженностью около 200 км, тянется с востока на запад, постепенно понижаясь с 3700 м на востоке у пер. Таун-Мурун («длинный нос») до 2502 м у Дараут-курмана. Ширина долины приближается к 40 км в восточной части и 8 км в западной. С юга долину ограничивают величественные, покрытые вечными снегами Заалайские горы, в восточной части которых возвышается гигантский пик Кауфмана⁴⁹ (7010 м). Нигде не доводилось мне лицезреть столь исключительную по своему великолепию картину.

Прекрасен вид заснеженных Пиренеев, открывающийся с бульваров города По в южной Франции; очень красив Кавказский хребет с двуглавым Эльбрусом из окон поезда Владикавказской железной дороги. Но и там и там вид на горы заслоняют предгорья. Совершенно иначе выглядит Заалайский хребет.

Здесь, между пер. Хатын-арт и горами, долина достигает в ширину более 40 км. И сразу же за долиной ввысь уходят горы, сперва ярко-зеленые, затем темно-синие, а выше – снег и ледники. Воздух здесь так чист и прозрачен, что, кажется, можно различить невооруженным глазом каждую ложбинку, каждый клочок земли.

Ужас охватывает при одной только мысли о наводнении в этих краях, о каком-нибудь природном бедствии, вследствие которого растаяли бы ледники и снега.

Посреди Алайской долины течет р. Кызыл-су⁵⁰ («красная вода»), один из притоков Аму-дарьи (греч. Оксус), впадающей в Аральское море. Таким образом, Алай-ский хребет разделяет бассейны Аму-дарьи и Сыр-дарьи (греч. Яксартес), двух самых больших рек в Средней Азии, известных еще со времен Александра Македонского, который будто бы дошел до Сыр-дарьи и основал на ее берегу город Ходжент, существующий и по сей день.

Вся Алайская долина покрыта великолепной травой. Нигде нет ни деревца, ни кустика. Кругом лишь одни альпийские луга, на которых пасут свои стада десятки тысяч кочевых семей. В это своеобразное эльдорадо кочевники гонят стада из восточной и южной частей Ферганы сразу же после таяния снегов в долине, через все пять перевалов в Алайском хребте. По мере усиления жары линия снегов отступает все выше в горы, и из-под снега высвобождаются все новые и новые участки, которые тотчас же покрываются свежей, сочной травой. Аулы перемещаются на новые пастбища, поднимаясь все выше в горы. Движение это продолжается вплоть до сентября, когда снег перестает таять, а линия вечных снегов устанавливается на высоте 4200 м.

С конца августа начинается возвращение аулов на зимовки. В октябре выпадает новый снег, и Алайская долина, столь оживленная летом, превращается в безлюдную пустыню. Дольше других остаются на Алае владельцы огромных табунов лошадей, которых трудно прокормить в Ферганской долине. Иногда они даже зимуют в Алайской долине, лишь перебираясь из восточной ее части в западную, к Дараут-курману, где долина понижается до уровня 2700 м, а расстояние между Алайским и Заалайским хребтами уменьшается до 8 км. В этих местах есть много ущелий, где табуны могут укрыться от зимних вихрей. Я лично знаком с одним киргизом по имени Ир-Даулет-бий («величие земли»), у которого было 12 табунов лошадей, каждый насчитывал примерно курум (800–900 голов), и, сверх того, соответствующее количество баранов, верблюдов, коров и т. д. Этот киргиз весь свой скот отправлял на зиму в Фер-

---

⁴⁹ Высота – 7134 м, с 1928 по 2006 г. носил название пик Ленина, с 2006 г. – пик имени Абу али ибн Сины.

⁵⁰ Вода в этой реке имеет абсолютно красный цвет из-за огромного количества песка, нанесенного с окрестных ледников. – Прим. авт.

ганскую долину, а сам, заботясь о лошадях, безотлучно оставался на Алае, кочуя вместе со своими табунами. Он, однако, никогда не мог сказать точно, сколько у него лошадей.

Перекочевка аула на новое место – это всегда праздник. После того как юрты разобраны, их навьючивают на верблюдов, накрытых яркими коврами; на спинах других верблюдов помещается остальное имущество, в том числе постель, одежда, запирающиеся на замок сундуки, окованные железом и издающие при открывании музыкальные звуки, и пр. Все это укладывается равномерно, чтобы получилось удобное сиденье. Потом мужчины и дети старше 5–6 лет садятся на лошадей и берут в руки веревки, продетые сквозь ноздри верблюдов. А женщины с малыми детьми на руках и девушки старше 11–12 лет наряжаются в свои самые праздничные одежды, всегда очень яркие, пошитые зачастую из парчи, на голову надевают огромные тюрбаны, а на шею – многочисленные бусы, гроздьями свисающие до самого пояса, – и аул трогается в путь. Чем богаче киргизский род, тем ярче и пестрее ковры на верблюдах, наряднее одеты женщины и поболее у них на шее бус. Однажды, будучи в гостях у одного богатого киргиза из рода Юваш, я заметил на шее его невестки, которая прислуживала за ужином, украшения весом в 17 кг. Удивившись этому, я поинтересовался, не мучительно ли для нее ношение такой тяжести. Она взглянула на меня с таким изумлением, что я понял, каким нелепым показался ей мой вопрос, но затем вежливо ответила: «Нет, ведь я ношу их скорее на плечах, а не на шее».

Спешивание аула и обустройство его на новой стоянке происходит поразительно быстро, и уже через 2–3 часа на пустынном месте вырастает целая деревушка, где кипит жизнь; там же, где только что жизнь была ключом, остаются только кострища. И это при том, что установка юрты, способной выдержать сильные горные ветра, требует особенной сноровки. Величина юрты и добротность кошм (войлоков) зависят, естественно, от зажиточности хозяина. Чем киргиз богаче, тем больше его юрта и белее войлоки; юрт диаметром менее 4–5 м не ставят вообще. Существуют и очень большие юрты. Однажды я остановился на ночлег у одного бия (главы, предводителя) рода Чум-Багыш⁵¹, который разместил меня в своей мичман-хана⁵² («мичман» – гость, «хана» – комната), диаметр который равнялся 11 м. Это была настоящая бальная зала, абсолютно круглая, как все юрты у местных народов, в отличие от шатра тибетцев и калмыков, арабских палаток или чумов у сибирских кочевников, гольдов, самоедов и др., форма которых бывает довольно разнообразной в зависимости от климата и других условий.

В высоту юрта обычно значительно превышает человеческий рост, и потому в ней можно спокойно стоять и ходить. Остов юрты обтягивается со всех сторон войлоками таким образом, что в центре остается круглое отверстие – тундук⁵³, которое закрывается отдельным войлоком; к тундуку привязана веревка, с помощью которой отверстие легко открыть при хорошей погоде и закрыть в случае дождя. Снаружи поверх войлоков юрту обвязывают очень широкими (65 см) разноцветными лентами, домоткаными, из толстой, но искусно вытканной шерсти. Внутреннее убранство юрты украшают циновки из чия; длинные его стебли, обвитые разноцветными нитями и связанные друг с другом, образуют узорчатую циновку; нарядный вид юрте придают также бахрома из шерсти и искусные вышивки. Юрта средней величины, обтянутая белыми кошмами и нарядно оформленная, стоила в те времена 200–250 руб. Пол юрты застилается циновками из чия; на них укладывают толстую кошму, а сверху накрывают красочным ковром. Посредине юрты есть небольшое углубление, вокруг которого из камней сложен очаг, а над ним – железная складная тренога, на которую вешается котел на железных цепях. Рядом с очагом стоят медные кумганы для заваривания чая. Суп киргизы едят из деревянных или оловянных мисок; остальные блюда, в том числе мясо и излюбленное блюдо из риса –

⁵¹ Имеется в виду киргизский род Чон Багыш, проживавший на юге Ферганской области и в соседней Кашгарии.

⁵² Очевидно, мейманкана – *кирг.* комната для гостей.

⁵³ *Тундук* – *кирг.* верхний деревянный круг остова юрты.

палау-аш⁵⁴, – пальцами. Так, впрочем, едят все среднеазиатские жители, включая купцов-миллиардеров. Хлеба киргизы почти не употребляют, а если и едят его, то в форме рваных клецек (бугурсак⁵⁵), жаренных на масле или бараньем жире, или же в виде тонко нарезанной лапши, залитой небольшим количеством очень соленого бульона. Мясо употребляют только в случае семейного торжества, визита именитого гостя или болезни какого-то домашнего животного, которое приходится зарезать. Самой изысканной по вкусу считается баранина, потом конина, особенно мясо молодых жеребцов (колбаса из жеребятины и в самом деле имеет отменный вкус), затем верблюжье мясо, а менее всего ценятся говядина и телятина. Главной же пищей для киргизов являются кумыс и айран. Кумыс готовится в огромном кожаном мешке, в который сливают все виды молока: овечье, козье, верблюжье, коровье и кобылье. Целыми днями женщины перемешивают это молоко палкой, на конце которой прикреплен деревянный крест. Чем дольше и чаще взбалтывается молоко, тем лучше получается кумыс. Однако в любом случае это будет кумыс худшего качества. Наилучший кумыс, который преподносят в подарок или подают знатым гостям, готовится из чистого кобыльего молока, а взбалтывают его в течение никак не менее трех дней; кумыс этот густой, как сливки, имеет соломенный цвет и освежающий, кисловатый вкус. Однако в большом количестве кумыс вызывает легкое опьянение, наподобие того, какое бывает после выпитой за завтраком бутылочки легкого белого французского вина “Graves” или “Sauternes”.

В конных путешествиях кумыс – напиток неоценимый, сытный и бодрящий. Кожаный мешок (турсук) с кумысом, привязанный к седлу с той стороны, где на него не попадает яркий солнечный свет, обеспечит путника едой и питьем на несколько дней, а чем больше кумыс болтается в турсуке у седла, тем он лучше и вкуснее. Правда, нужно только привыкнуть к привкусу кожи и дыма, который появляется у кумыса от соприкосновения с невыделанной кожей турсука.

Айран – кислое молоко, размешанное с водой, – является единственной пищей для бедных киргизов, владеющих небольшим стадом; тем не менее его держат в любом, даже очень богатом доме в качестве напитка для прислуги, детей и женщин, на которых лежит весь груз домашних забот. Мужчины целыми днями сидят на корточках у входа в юрту и беседуют с соседями. Молодежь пасет стада в горах, нередко в нескольких километрах от аула, охраняя животных от нападения волков и других хищников. Пастухи передвигаются верхом, да и вообще киргиз обходиться без лошади не может и ходить пешком не любит. Рядом с юртой любого более-менее зажиточного киргиза всегда стоит конь, оседланный и привязанный к вбитому в землю колышку. Бедный коняга беспомощно переминается на месте, так как специальным образом прикрепленные к седлу поводья не дают ему ни лечь, ни нагнуться к траве.

Аулы, относящиеся к одному киргизскому роду, кочуют в пределах одной местности и совместными усилиями защищаются от нападений воров и разбойников. У каждого рода есть свой знак (тавро), выкованный из железа, с помощью которого на шкурах животных варварским способом выжигаются несводимые знаки. Эти тавро помогают в разрешении споров, возникающих из-за смешения стад на общих бескрайних пастбищах, а также позволяют опознать принадлежность украденного животного, обнаруженного где-нибудь на далеком ферганском рынке. Лошадь можно перекрасить, но выжженное тавро замаскировать невозможно.

Праздный образ жизни киргизских мужчин приводит к тому, что они непрерывно навещают друг друга и сплетничают. Новости в этих широчайших степях распространяются с той же скоростью, с какой у нас их разносит еврейская «башмачная почта». Киргиз, даже если он очень спешит по важному делу, при встрече с другим киргизом непременно остановится, и за несколько минут они обменяются всеми новостями из своих краев.

⁵⁴ Палоо аш – южн. – кирг. плов.

⁵⁵ Боурсак – кирг. баурсаки, печенье в виде жаренных в жире кусочков теста.

Киргизы вообще отличаются гостеприимством: я не помню случая, чтобы кто-нибудь из них отказал мне в ночлеге или хотя бы не напоил кумысом либо айраном, не имея возможности заколоть барана или козу. А способность киргизов хранить верность своему слову вошла в поговорку. Работая в местной администрации и рассматривая сотни споров, я неоднократно наблюдал, как дети или внуки возвращали долги своих отцов или дедов, взятые только под честное слово. Киргизы с особым пиететом чтут память предков. Помимо поминок во время похорон, которые всегда грозят наследникам разорением, самый старший представитель рода в годовщину смерти обязательно устраивает туй⁵⁶, продолжающийся не менее трех дней и собирающий не только представителей данного рода, но и вообще всех желающих. А так как для киргиза расстояние не является препятствием, то он садится на коня, привязывает к седлу турсук с кумысом или айраном и едет 100–200 км, чтобы побеседовать с другими киргизами из разных краев, принять участие в байге или посмотреть на скачки.

Байга – это традиционное национальное развлечение киргизов; суть его в том, чтобы на скаку подхватить лежащую на земле тушу козла, умчаться с ней от других участников состязания и подальше от сидящих где-нибудь на пригорке на ковре судей, а затем неожиданно для всех прискакать галопом прямо к пригорку и бросить козла судьям к ногам. За проявленную ловкость победитель тут же награждается нарядным халатом, который он немедленно надевает на себя поверх одежды, чтобы все собравшиеся увидели, что именно он одержал победу, и разнесли эту весть по степи. Тем временем тушу козла подхватывает очередной наездник, шальная погоня по камням и рытвинам начинается вновь, и через мгновение уже другие участники вырывают козлиную тушу друг у друга.

Скачки у киргизов проводятся только на большие дистанции, обычно 40 км (5 таш⁵⁷). Как правило, их устраивают по случаю свадьбы, смерти или обрезания в очень зажиточных семьях, поскольку обходятся они недешево. В надлежащее время – чаще всего осенью, когда скакуны находятся в наилучшей форме, – устроители оповещают о предстоящих скачках всех представителей своего рода, а также родственников из тех родов, откуда были взяты жены или куда отданы дочери. В назначенный срок съезжаются все участники скачек с подготовленными лошадьми. Лошади эти невысокие, тощие, с обвязанными бечевкой ногами и хвостами. Сажают на них мальчиков 12–14 лет. В самый день скачек, в которых участвуют несколько десятков лошадей, их выводят на предназначенное для старта место, записывают, и забег начинается. На протяжении всего маршрута невдалеке друг от друга дежурят представители того киргизского рода, который устраивает байгу, а также тех родов, кто принимает участие в скачках; они следят за тем, чтобы кто-нибудь не присоединился к наездникам в пути или не заменил уставшую лошадь. Рядом со стартом установлена юрта, в которой сидят судьи и, попивая чай, ожидают возвращения ездоков. Длительность скачек никак не ограничивается, ибо часов ни у кого нет, да и пользоваться ими никто не умеет. Киргизы живут «по солнцу», а дневной распорядок регулируется ежедневными молитвами (намазами), предписанными религией. Около судейской юрты и дальше по дороге собираются толпы наездников, ожидающих скачки. Поодаль на окрестных холмах располагаются женщины из близлежащих и дальних аулов; они приходят пешком или приезжают с мужьями и братьями и, не смешиваясь с толпой, занимают места на возвышениях. Наконец доносятся крики, слышен конский топот, и вот появляется первый конь: копыта его заплетаются, он весь в крови, а на спине – едва живой мальчик-наездник. Очень часто этого коня тянут за поводья от уздечки два других наездника, что допускается правилами. Победитель получает первый приз – это 9 видов наград по 9 штук каждая. Итак: 9 халатов (один из золотой парчи, один из серебряной, один из бархата, три из сукна, три из шелка), 9 верблюдов, 9 лошадей, 9 коров и 45 овец. Лошади, занявшие второе и третье места,

⁵⁶ Той – кирг. пир, празднество.

⁵⁷ Таш – кирг. ист. мера длины, примерно равная восьми километрам.

приносят своим хозяевам не 81 приз (9 по 9 равняется 81), а только 9 призов: по одному халату, верблюду, лошади, коню, волу или корове и 5 баранов. Владельцы следующих шести лошадей получают только по одному коню, верблюду или корове. Остальные не получают ничего.

Организация скачек и праздничного угощения в первую годовщину смерти отца нередко приводит к разорению наследников. Я знал одного киргиза из рода Чум-Багыш по имени Мирза-Паяс, человека весьма солидного, которому его отец Джаркен-Бай-датха (датха – «генерал») оставил 10 тыс. баранов, 200 лошадей, 60 верблюдов, 120 коров и т. д. После поминок, размах которых соответствовал высокому положению отца, сын остался гол, как турецкий святой.

Глава V

Киргизские браки. Сватовство. Свадьба и переезд невесты. Свадебный пир. Киргизские собаки. Сурки в Алайской долине

Еще одно чрезвычайно дорогостоящее событие в жизни киргиза – женитьба. За жену нужно заплатить калым (выкуп), который в зависимости от знатности и зажиточности ее рода доходит до таких сумм, что новоявленный супруг нередко разоряется до нитки.

В охотничьих странствиях меня постоянно сопровождал Магомет-Сеид-Хан-Тюра-Сеид, т. е. документально подтвержденный потомок Магомета и к тому же племянник Худояр-хана, последнего кокандского хана, и его удайчи (адъютант). Он взял в жены одну из дочерей Худояр-хана и заплатил за нее калым в размере 59 тыс. тиллей, т. е. золотых дукатов, – сумму по тем временам баснословную. Уплата столь значительного калыма привела к тому, что Магомет-Сеид разорился и был вынужден избавиться от своих ловчих соколов и ястребов, большим любителем и знатоком которых он являлся. Стоит добавить, что приятель мой женился вовсе не тогда, когда Худояр-хан сидел на троне, а спустя десять лет после установления российского владычества над ханством, когда, если мне не изменяет память, Худояр уже умер в изгнании в России⁵⁸, дочь же его принесла мужу в качестве приданого только барские замашки и свой титул ойим (госпожа).

Сватовством у киргизов занимаются обычно родители будущих супругов, когда те еще не вышли из младенческого возраста, и с этого момента начинается ежегодная уплата определенной части калыма деньгами, домашними животными или вещами. В случае смерти одного из помолвленных другой вступает в брак с его ближайшим родственником. Однажды я был приглашен на свадебное пиршество к богатому киргизу из рода Юваш, чей 15-летний сын женился на 26-летней вдове брата своего тестя. Причина неравного брака заключалась в том, что первая невеста этого юноши умерла, а других дочерей у его будущего тестя не было. Случается и так, что после удачного сватовства и уплаты части калыма умирает отец жениха, а похороны и поминки в первую годовщину смерти настолько плачевно сказываются на благосостоянии будущего мужа, что он не в состоянии продолжать выплачивать калым. Тогда он вынужден ликвидировать самостоятельное хозяйство и, забрав оставшийся скот, поступает в услужение, как простой батрак, к своему будущему тестю, при этом полагающаяся ему плата и прирост живого инвентаря идут на уплату калыма. Жениху подчас добрых десять лет приходится ждать, а его невеста старится у него на глазах.

Свадебные расходы берут на себя родители невесты, а кроме того, дают за ней приданое, соответствующее их благосостоянию и тому положению, какое они занимают среди сородичей. Обычно приданое состоит из юрты, нескольких ковров, окованных железом сундуков, разнообразной домашней утвари и нескольких домашних животных. Остальное или дают родители жениха, или же молодые живут бедно, понемногу наживая имущество либо ожидая наследства.

Переезд невесты из родительского аула в аул жениха происходит очень торжественно, посмотреть на него высыпают толпы жителей всех окрестных аулов. При этом о молодых говорят, что такой-то и такая-то «уйланды» (уй – «дом, юрта»), т. е. зажили своим домом. На первом верблюде, накрытом самым большим и красочным ковром, восседает невеста в огромном тюрбане на голове, сразу в нескольких нарядных халатах, надетых один поверх другого, а если в ее приданом окажется шуба – то и она будет надета, несмотря на летнюю пору. На ногах у невесты обуты сапоги из красной или зеленой кожи, шею обязательно украшают бусы, и чем их больше – тем лучше, позади невесты едет сундук с нарядами. Верблюда ведет отец девушки

---

⁵⁸ В этом месте Громбчевский допускает неточность. Худояр-хан скончался в 1886 г. близ Герата в Афганистане.

или иной уважаемый член семьи. На втором верблюде, также покрытом ковром, лежит юрта, а на ней сидит киргизская женщина, вдова – родственница или старая служанка, которая на новом месте должна заменить мать молоденькой невесте, возраст которой порой не превышает 13–14 лет. Позади нее – тоже сундук. Следом, в зависимости от степени зажиточности, идут или остальные верблюды, нагруженные разнообразными хозяйственными принадлежностями, или небольшое стадо домашней скотины, причем на всех без исключения лошадей, волов и коров навьючена всякого рода домашняя утварь. Чем больше у будущей жены таких пожиток, тем богаче ее приданое. Свадебный кортеж передвигается в окружении кавалькады всадников из аула невесты.

На полпути кортеж встречает жених, окруженный группой всадников из его аула. Все спешиваются, жених угощает приехавших кумысом и приглашает их в свой аул. Молодые сперва заходят в юрту к родителям жениха, а затем невеста и ее помощница на указанном месте быстро устанавливают свою юрту и расставляют все, что они привезли с собой. Когда приготовления закончены, невеста встает у дверей и поджидает мужа, которого провожают до юрты все его спутники. Гости входят в юрту и усаживаются рядом вдоль стен на коврах. Затем входит женщина, в одной руке у нее кумган (так на Востоке называют медный чайник, украшенный искусной чеканкой) с теплой водой, а в другой – небольшой тазик. Она кланяется всем по очереди и выливает несколько капель теплой воды на подставленные каждым гостем пальцы. Гость вынимает из-за пояса грязный платок и вытирает им смоченные пальцы. Обслужив за несколько минут 30–40 человек, женщина выходит. Таким образом, ритуальное омовение рук перед приемом пищи, предписанное религией, считается совершенным.

Гости нетерпеливо поглядывают на дверь юрты. Входит молодая девушка с дастарханом (скатертью) и расстилает его на земле перед стоящими на коленях гостями. Как правило, это кусок ситца с ярким рисунком, никогда не знавший стирки и потому усеянный пятнами, оставшимися после предыдущих пиршеств. Затем друг за другом входят несколько женщин; они несут медные миски с мясом и жестяные подносики, на которых тонким слоем лежат изюм и фисташки, иногда присыпанные мелко крошенным сахаром. Миски расставляются симметрично, по одной на пятерых-шестерых гостей. Гости быстро ориентируются, какому количеству предназначена каждая миска, и учтиво разворачиваются лицом друг к другу, образуя полукруг; в центре каждого полукруга из пяти или шести человек стоит миска с мясом.

Самые почтенные – по возрасту или положению – гости занимают места вдоль той стены юрты, напротив которой находится дверь. Перед ними, помимо миски с мясом, ставится еще, как особый деликатес, отваренная голова подаваемого животного. Расставив все как полагается, женщины кланяются, молча пятятся к выходу и исчезают. Попытка вступить в какие бы то ни было разговоры с прислуживающими женщинами расценивается как бестактность и может вызвать сильное возмущение. Киргизские женщины не закрывают лицо в присутствии посторонних, однако мусульманский закон суров: женщина должна знать свою роль – роль рабыни, всю жизнь занимающейся тяжелым трудом. Разговаривать с киргизкой можно только в доверительной обстановке, в присутствии ближайших родственников, и только о вещах серьезных или представляющих интерес в настоящий момент. Любая шутка или смех, болтливость вызовут осуждение со стороны как самой женщины, так и окружающих.

Старейший или самый знатный среди присутствующих гость поднимает обе руки ладонями вверх и, произнося: «Бисмилло, Рахман и Рахим» («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»), разглаживает ими бороду. Остальные, поднимая ладони, отвечают «Амин» («Да будет так»), закатывают рукава, вынимают из ножен острые, не складывающиеся ножи (наподобие финских), изготовленные местными мастерами, и протягивают руки к давно присмотренному куску мяса; своим ножом его кроют на небольшие куски и, обмакивая в насыпанную на краю миски соль или в соляной раствор, разлитый по деревянным пиалам, стоящим рядом с мисками, пальцами отправляют в рот. Разговоры стихают, слышен только хруст челюстей,

тщательно пережевывающих пищу. Появляется молодая девушка с турсуком кумыса под мышкой и пиалой, из которой все по очереди пьют, а девушка наполняет ее снова и снова.

Поскольку выпить поднесенную пиалу до дна считается неприличным, каждый следующий гость выпивает то, что не допил его предшественник. Мясо исчезает из мисок с потрясающей скоростью. Наконец остается только так называемый кусочек «скромности», который делится одним из соседей на пять или шесть равных частей и раздается. Почетный гость, перед которым стоит голова съеденного животного, берет ее в руки и с большим артистизмом и проворством очищает ее от мяса, а затем, не забывая себя, раздает лакомства в виде глаза, кусочка уха или языка ближайшим соседям; те в ответ делают движение, как будто хотят приподняться, и произносят: «Алло Рыза булсун» («Да будет Бог доволен тобой»). Остальные гости берут свои ножи за острие и рукояткой дробят кости, которые по мере поедания мяса накапливаются перед ними, и высасывают из них жир и костный мозг. Кумыс или айран наливается опять всем по очереди. Завязывается беседа. Среди собравшихся всегда находится балагур-весельчак, чьи рассказы вызывают всеобщий громкий смех.

Если пиршество происходит в богатом доме, где кроме мяса можно рассчитывать и на другие кушанья, гости складывают в пустые миски обглоданные и раздробленные кости и терпеливо ждут, когда будут поданы следующие блюда, а именно: бульон, сваренный без овощей, но с добавлением репчатого лука и стручков острого красного перца; печень, легкие и сердце, нарезанные на тонкие ломтики, каждый из которых намазан таким же тонким слоем курдючного сала; желудок, нарезанный длинными и очень тонкими полосками и залитый соляным раствором. Все эти внутренности сидящие вокруг одной миски берут руками, окунают в соус и отправляют в рот точь-в-точь, как это проделывают итальянцы со своей пастой. Наконец, подается любимое киргизское блюдо – палау-аш, т. е. плов из риса, тушенного с бараньим салом, репчатым луком и красным перцем. Если же гости собрались в доме среднего достатка, где после поданного в огромном количестве мяса нельзя рассчитывать на другое угощение, то мужчины, сложив кости в миску, отодвигаются на свои прежние места у стены, вытягивают из-за поясов платки, вытирают ими жирные пальцы, после чего приступают к весьма галантному занятию – отрывиванию. Чем изысканнее у гостя манеры и чем сильнее он хочет уверить хозяина в том, что сыт и доволен угощением, тем громче и энергичнее его отрывка. Немного погодя входят женщины, которые, по всей видимости, подглядывают через дырочки в войлочных стенах юрты за тем, что происходит внутри; они забирают миски с костями и бросают их тут же, рядом с юртой, стае собак, которые яростно грызутся из-за каждой косточки.

Потом женщины появляются снова и вносят в кумганах чай, который расставляют рядом с подносами с фисташками. Сколько было мисок с мясом, столько будет подано кумганов с чаем; на каждый чайник полагается одна пиала, из которой все по очереди пьют. Кумган берет в руки самый молодой из пяти ближайших соседей, наливает совсем немного, выпивает, как бы желая показать, что чай не отравлен, потом наполняет пиалу более чем наполовину и подает ее старейшему в пятерке. Тот пьет медленно, подувая на чай и беседуя и время от времени закусывая фисташкой или изюминкой. Выпив, он возвращает пиалу тому, кто держит кумган. Тот наливает столько же, сколько наливал первому из пятерки, и передает второму. Затем пьет третий, четвертый, в конце пиала оказывается у наливающего, и теперь его очередь насладиться чаем. Опорожненный кумган ставят около подноса, на котором все еще лежат изюм и фисташки. Наконец находится смельчак, который протягивает руку, берет горсточку фисташек и, произнеся «баля-чекамга» («детям»), завязывает их в конец пояса, обернутого несколько раз вокруг талии.

Лед тронулся. Подносы во всей юрте моментально опустошаются. Женщины выносят кумганы, пиалы и подносы. Молоденькая девушка осторожно свертывает скатерть и, стряхнув все крошки в очаг (чтобы достаток никогда не покидал эту юрту), выходит. Праздничная трапеза окончена.

Первыми юрту покидают те, кто сидел ближе всего к выходу; ни с кем не прощаясь, со словами «Атым'га карайман» («Пойду взгляну, что там с моей лошадей происходит») они выходят. Юрта постепенно пустеет, последними уходят почетные гости, которых хозяин провожает до лошадей, а иногда даже сам садится на коня и провожает их несколько километров. Из аула все разъезжаются. Лишь собаки еще долго не могут успокоиться.

Киргизы держат множество собак, а точнее, позволяют им беспрепятственно размножаться, поскольку нуждаются в них для охраны своих стад от волков и грабителей, но не кормят их в принципе. Собаки эти тощие, с длинной шерстью, очень злобные и брехливые; как и собаки в Константинополе, они выполняют роль дезинфекторов, пожирая с голоду все, что может отравить воздух. Летом в Алайской долине они неплохо питаются, охотясь с отточенным мастерством на сурков, которых в большом количестве можно встретить буквально на каждом шагу.

Сурок – животное большое, жирное, весом около 27 кг⁵⁹, очень осторожное. Живут сурки колониями. Есть среди них такие, что постоянно выполняют роль сторожей: стоя столбиком, они внимательно осматривают окрестности и предупреждают о малейшей опасности пронзительным свистом. В ту же секунду все семейство, которое вышло на поиски корма или просто греется на солнышке, опрометью бросается к своей норе, в которую ведут многочисленные ходы, и в одно мгновение исчезает в ней. На свою беду, сурки чрезвычайно любопытны, за что им часто приходится расплачиваться собственной жизнью. О любопытстве сурков хорошо известно киргизским собакам, и они используют его во время охоты на этих зверьков. Не раз на протяжении нескольких часов, стоя с биноклем в руках далеко в стороне и затаив дыхание, я наблюдал, чем же закончится поединок двух звериных инстинктов. Происходил он следующим образом.

Семейство сурков, состоящее из 15–20 особей, кормится в траве или греется на солнце недалеко от своих нор. Стоящий столбиком сторож издали видит подкрадывающуюся собаку и свистом предупреждает всю стайку. Зверьки стремглав бегут к норам и прячутся. Увидев, что ее заметили, собака мчится за стайкой, следя за той норой, в которой спрятался сторож, – поскольку знает, что сурок долго не выдержит и тут же вылезет обратно, чтобы посмотреть, что творится на белом свете. И когда мордочка зверька высовывается из норы, собака моментально останавливается и застывает. Сурок вылезает полностью и встает на задние лапки, прислушиваясь и подозрительно оглядываясь вокруг. Неожиданно – достаточно собаке пошевелиться, или сурок, приглядевшись, почует опасность, – сторож с пронзительным свистом прячется в нору. Но прежде чем собака успеет сделать несколько десятков шагов, голова сурка снова показывается из норы, и в то же мгновение собака превращается в изваяние. Так повторяется несколько раз до тех пор, пока расстояние между собакой и сурком не сократится настолько, что собака одним прыжком может настичь его и схватить сзади за шею. Сурок сопротивляется отчаянно, и так как когти у него длинные и острые, а зубы такие мощные, что он вцепляется в добычу наподобие английского бульдога и не выпустит ее, не вырвав куска мяса, – поэтому раны, нанесенные сурком, как правило, очень серьезные. По этой причине собака, схватив сурка за шею, старается подбросить его вверх так, чтобы он упал навзничь. Когда сурок вскакивает на ноги, собака снова хватается за шею и снова подбрасывает вверх. Она проделывает это до тех пор, пока расшибленное, обезумевшее от страха животное не перестает сопротивляться, и собака его загрызает. Ловкость, которую проявляют собаки в этом соперничестве, вызывает изумление, но доказательством того, что оно представляет для них серьезную опасность, служат многочисленные шрамы на их шкурах. Помимо легиона собак, охотящихся на сурков, истребляют их также волки и медведи. Последние раскапывают целые

⁵⁹ Неточность – в среднем взрослые сурки имеют максимальный вес 8–10 кг.

норы, добираясь до глубоких галерей, в которых сурки залегают на зимнюю спячку; нередко они тратят на это целый день, но если добираются до цели, то уничтожают все семейство.

Опасность для сурков представляют также и хищные птицы: соколы, сипы и орлы, которые парят высоко в небе и камнем падают вниз на жертву. От птиц сурки защищаются скорее с помощью когтей, чем зубов, и при нападении переворачиваются на спину. В этой позе крылатые хищники на них не нападают, опасаясь их длинных и острых когтей. Однажды случайно мне довелось наблюдать, как огромный гималайский орел-бородач, который с легкостью может поднять в воздух барана, теленка или жеребенка, прекратил свое нападение на сурка и бросился в сторону, как только тот перевернулся на спину. Схватил он его лишь тогда, когда сурок снова вскочил на лапы и попытался удрать в нору.

Вся долина Большого Алая изрыта норами сурков, а потому представляет существенную опасность для лошадей, особенно во время быстрой езды – байги.

Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось рассказать об Алайской долине и ее обитателях.

Долина эта с юга ограничена уходящими в небо вершинами Заалайского хребта, покрытыми вечными снегами, а за ними на высоте 4145 м раскинулось огромное озеро Кара-куль («черное» или «драконье озеро»), длина окружности которого составляет 120 км, и самое высокое плоскогорье Центральной Азии – Памир. Южная окраина Памира соседствует с горной системой Гиндукуша, а все реки, берущие в ней начало, несут свои воды уже в Индийский океан.

Глава VI

Дорога к укреплению Иркештам. Иркештам. Торговля между Россией и Китаем. Китайский этикет. Из Иркештама в Кашгар. Происшествие в Улугчате. Недостатки китайской административной системы. Встреча с начальником Кашгарского округа

Мы дали лошадям отдохнуть один день на пастбищах Алайской долины и 15 августа двинулись к укреплению Иркештам, построенному русскими у самой китайской границы. На пер. Туун-Мурун ведет некрутая, удобная дорога. Собственно говоря, дорога как таковая здесь отсутствует. Долина, которая становится все уже по мере приближения к перевалу, сплошь покрыта великолепной травой, и каждый караван выбирает собственный, наиболее удобный для него путь, придерживаясь протоптанных троп единственно для того, чтобы не наткнуться на овраги, образованные потоками дождевых вод. Дорога идет по пологим склонам пика Кауфмана (7010 м), покрытого блестящими на солнце ледниками и необъятными вечными снегами. Пер. Туун-Мурун (ок. 4000 м) образует водораздел р. Аму-дарьи, впадающей в Аральское море, и р. Тарим, которая впадает в оз. Лобнор в западной части пустыни Такла-Макан. Переночевали мы в укреплении Иркештам, преодолев 310 км за 5 дней пути.

Укрепление Иркештам, возведенное русскими в 1885 г., располагается на высоком правом берегу р. Кызыл-су («красная вода»)⁶⁰, при впадении в нее р. Иркештам. Последняя на российских картах ошибочно названа Мальтабар, что послужило поводом для длительного пограничного спора с Китаем. Укрепление это состоит из небольшого блокгауза⁶¹, внутри которого устроены казарма для 25 казаков и помещение для офицера; на дворе находятся стойла для лошадей и фуражные склады, над которыми возвышается каменная стена для защиты от ружейных выстрелов. Иркештам запирает собой ущелья, по которым пролегают два главных пути из Китая в Ферганскую долину через пер. Терек и Туун-Мурун, а потому является важным наблюдательным пунктом. Укрепление построено на высоте 2590 м, на склонах гор, лишенных всякой растительности. Ветра здесь дуют с ураганной силой. Погода меняется чрезвычайно быстро: нередко в течение нескольких часов, в зависимости от направления ветра температура повышается или понижается на 15–18°C. Стратегического значения Иркештам не имел, и гарнизон должен был немедленно покинуть его в случае начала военных действий. Однако несший службу в укреплении офицер, поддерживая хорошие отношения с киргизами, кочующими по горам Кашгарии, всегда мог быть в курсе происходящих там событий.

Внизу на берегу реки находились таможенный пункт и огромный караван-сарай, в котором останавливались торговые караваны из Кашгарии, подлежащие таможенному досмотру. Там проживал сотрудник таможенной службы, а также несколько таможенных стражников и джигиты, объезжавшие границу.

Торговля между Россией и Китаем была в те времена очень оживленной, и через таможню в Иркештаме проходило ежедневно несколько караванов в сто и более вьючных лошадей. Из России везли всевозможные товары: сахар, изделия из стали и железа (пилы, топоры, замки), стекло, дешевые фаянсовые изделия, краски, спички, бумагу, а также изделия местного туркестанского производства – шелк, атлас и пр.

Из Китая в Россию ввозились: зеленый чай (индийского происхождения, поскольку в Туркестане китайский чай, не отличающийся терпкостью, распространения не имел; не пили

---

⁶⁰ Река Кызыл-су (кашгарская) носит то же название, что и река, протекающая в долине Большого Алая, но, в отличие от последней, течет на восток, а не на запад. – *Прим. авт.*

⁶¹ *Блокгауз* – фортификационное сооружение, приспособленное для ведения кругового ружейного и артиллерийского огня и для проживания гарнизона.

местные туркестанские жители и того чая, что пьем мы), ковры, войлоки, дешевые хлопчатобумажные и шерстяные материи, шелк в крученых нитках, меха лисьи и бараньи (тибетских длинношерстных баранов), золото и серебро в слитках, кораллы и т. д. Согласно заключенным с Китаем соглашениям, российские подданные имели право в приграничных с Россией китайских провинциях вести беспошлинную торговлю любыми товарами, за исключением оружия и взрывчатых веществ, тогда как китайские подданные могли беспошлинно торговать только товарами китайского, а не индийского производства.

В то же время зеленый индийский чай, тонкий белый индийский муслин, шедший на тюрбаны – головные уборы туземцев, – кораллы, парчовые материи, сукно и бархат английского производства были обложены такой высокой пошлиной, что с лихвой покрывали расходы на пограничную службу и таможенный надзор. Все перевозимые товары упаковываются в тюки одинакового веса (по 72 кг) и приблизительно одного и того же размера, поскольку только в этом случае выюк будет хорошо держаться на седле. Иначе выюк постоянно соскальзывает с лошади, что вызывает частые остановки каравана, а в опасных местах нередко приводит к падению уставших животных в пропасть.

Противоположный берег р. Иркештам был уже на китайской территории; там стояли китайские пограничники и юрты с джигитами из конной киргизской лянзы⁶² (полка), находившейся на китайской службе.

Почти сразу же после приезда в Иркештам ко мне явился пограничный бек китайских киргизов Карим-бий в сопровождении китайского чиновника, который держал большую визитную карточку красного цвета, принадлежавшую кашгарскому даотай (губернатору всей провинции)⁶³. После приветствия чиновник вручил мне визитную карточку и сообщил, что генерал Хуанг-даотай, главный начальник над всей Кашгарией, передает мне свое приветствие и поручает ему сопровождать меня на пути в столицу провинции – Кашгар.

Я решил, не мешкая, продолжить свое путешествие по этой удивительной стране, где все составляет противоположность нашим порядкам, начиная хотя бы с визитной карточки. Дело в том, что в Китае белый цвет обозначает траур, так, как у нас – черный. А потому было бы крайне неуместным вручать визитные карточки на белой бумаге. Вот почему цвет их всегда – красный. Далее: размер карточки напрямую зависит от положения ее владельца в иерархической лестнице. Визитная карточка даотая была длиной в лист бумаги, какие используются у нас для прошений, только почти вдвое уже. На одной стороне черной тушью были изображены три иероглифа большого формата: Хуанг Да Жень (Хуанг – «великий человек»), на другой – мелкими иероглифами были написано: «Великой Дайцинской империи, в 5-й год царствования императора Куан Сю, по приказу его императорского величества, даотай (дословно «великий прокуратор») провинции Нан-лю-бо-чин («Южное Восьмиградье»)».

Согласно этикету, я должен был сразу же попросить чиновника, чтобы он поблагодарил даотая за приветствие и засвидетельствовал ему мое глубочайшее почтение, а также передал мою визитную карточку. Легко догадаться, сколь много я потерял в глазах китайского чиновника, когда протянул ему свою небольшую визитную карточку, вдобавок отпечатанную на белой бумаге!

На следующий день, 16 августа, я выступил из Иркештама, а 20 августа прибыл в Кашгар, сделав в 5 переходов 215 км.

Дорога от Иркештама до Кашгара идет по долине р. Кызыл-су, текущей среди гор. По мере движения вперед долина становится уже, а броды глубже; во многих местах дорога проло-

⁶² Лянза – кит. ##, рота, военный лагерь – боевая и хозяйственная единица сухопутных войск в цинском Китае. Общее название как для пехотного батальона (ин), так и кавалерийского эскадрона (ци). В описываемый период пехотная лянза насчитывала примерно 500 чел., конная – 250 чел.

⁶³ Даотай – кит. ## губернатор округа, в данном случае – Кашгарского округа, в который входила вся Западная Кашгария с городами Кашгаром, Яркендом, Хотаном и др. Кашгарский округ входил в состав Синьцзянской провинции.

жена на значительном удалении от русла и переваливает через несколько невысоких, но крутых и скалистых горных отрогов, отделяющих один приток Кызыл-су от другого. Вся местность почти полностью лишена растительности. По мере удаления от Тянь-Шаня растительности становится все меньше, что является вполне естественным, так как означает приближение к безводной пустыне Такла-Макан, оказывающей губительное воздействие на все живое.

Исключением являются долины рр. Егин и Улугчат – притоков Кызыл-су, – изобилующие великолепной травой и зарослями тополей, которые в нижней части течения рек достигают таких размеров, что могут служить строевым материалом. В долинах этих рек находятся зимовки киргизов из родов Юваш и Джури, родственных алайским киргизам; управляют ими беки, получившие свои полномочия от китайских властей. В Егине пребывает китайский офицер с 40 джигитами из конной киргизской лянзы для наблюдения за этой частью границы с Россией. Еще большее значение имеет долина р. Улугчат, удаленная от Иркештама на 40 км, поскольку в нее, вкупе с р. Егин, впадают 11 притоков, по которым идут дороги в Ферганскую долину через 11 перевалов в Тянь-Шане⁶⁴. Таким образом, обладание Улугчатом дает возможность контролировать огромный участок Тянь-Шаня и упомянутые 11 путей.

В Улугчате китайские власти построили пост, занятый конной киргизской лянзой (в лянзе – 500 лошадей) под командованием китайского генерала Хуанг Дари-на, являвшегося одновременно начальником всей пограничной линии.

Когда мы прибыли в Улугчат, Хуанг Дарина в нем не было, а поведение подчиненного ему чиновника явило собой яркий пример дезорганизации в китайской администрации, каждый представитель которой старается выказать свою независимость и самостоятельность от центральной власти. Произошло это следующим образом.

Казачий офицер, начальник гарнизона в Иркештаме и фактически начальник пограничной линии, решил воспользоваться тем обстоятельством, что я был приглашен китайскими властями в Кашгар, и отправиться со мной в Улугчат. Он хотел лично познакомиться с китайским начальником пограничной линии и установить некий *modus vivendi* при рассмотрении частых споров между киргизами, российскими и китайскими подданными. Зная по опыту, как благоприятно сказываются дружественные отношения пограничных властей на жизни обитателей приграничной зоны, которые вынуждены часто пересекать государственную границу, – я охотно на это согласился. Мы выехали вместе, а офицер взял с собой также 15 казаков из иркештамского гарнизона.

Из Егина, находящегося в 18 км от Улугчата, где мы задержались на полчаса, в Улугчат сперва отправился чиновник, прикрепленный ко мне кашгарским даотам. Он должен был предупредить о нашем приезде генерала Хуанга, организовать юрту для нашего ночлега, купить нам барана, фураж для лошадей и т. п.

Въехав в Улугчат, мы встретили этого чиновника, и он с негодованием рассказал, что генерал Хуанг отсутствует, а его заместитель заявил, что он, будучи военным, подчиняется командующему армией генералу Дунгу, а не кашгарскому дао-таю⁶⁵. Он оставил без внимания письменное распоряжение даотая о предоставлении нам ночлега и необходимых продуктов за плату и не только сам отказал нам в помощи, но и под страхом расправы запретил местным киргизам ставить для нас юрту и продавать что бы то ни было. Наш чиновник также сказал, что он, разумеется, уже сообщил кашгарскому даотаю о таком грубом обращении и что даотай накажет виновника.

У меня и моих казаков были собственные легкие палатки и необходимый запас провизии, но офицер и казаки из Иркештама абсолютно ничего с собой не взяли. День к тому же был

⁶⁴ Перевалы, ведущие к р. Егин: Иттик, Карабиль, Карачал, Кук-арт и Тарткуль. К р. Улуг-чат: Савоярдин, Сийдам, Талгый, Туз-Ашу и Калмак-Ашу. – Прим. авт.

⁶⁵ Административная и военная власть в Кашгаре были разделены, даотай отвечал за общее административное управление и пограничные сношения, военное управление находилось в ведении цзунтуна, командующего войсками (цзунтун – кит. ##).

очень жаркий, а это означало, что ночевать пришлось бы на мокрой от росы траве при температуре 2–3°C, да еще и на голодный желудок. Перспектива эта казалась не слишком радужной.

К тому же речь шла о поддержании нашего авторитета. Я решил действовать вежливо, но вместе с тем твердо. Итак, разузнав, что заместитель Хуанга на лето предпочел покинуть душную крепость и поселился в юрте, стоявшей на расстоянии одного километра от крепости, в небольшой тополиной роще, я отправился к нему. Соскочив с лошади, я вошел в юрту и, не обращая внимания на хозяина, который сидел в одном исподнем на диване и курил трубку, приказал вносить мой багаж внутрь.

Хозяин, видя вокруг себя вооруженных казаков, с минуту смотрел на нас с изумлением, затем бросился к сундуку, достал из него официальную шапочку с пером и надел на голову, оставаясь при этом в одной рубашке. Затем натянул на босые ноги официальные туфли на высоких 5-сантиметровых подошвах, облачился в форменную курму⁶⁶ и в таком наряде громко меня поприветствовал, опустившись при этом на одно колено, как того требует китайская традиция в случаях, когда младший по званию или должности приветствует старшего.

Затем через переводчика хозяин стал извиняться, говоря, что он болен и никак не мог знать, что я являюсь столь важной персоной; что его ввел в заблуждение китайский чиновник, и потому он просит не распаковывать багаж, ибо сию же секунду прикажет поставить для нас юрты и предоставить все необходимое, что только можно найти в этих скудных краях для комфортной ночевки.

Видя, что хозяин сильно перетрусил и собирается сбежать, я учтиво попросил его не утруждать себя, а необходимые распоряжения передать через переводчика; я также добавил, что, будучи гостем даотая, ни на секунду не сомневался в гостеприимстве китайских властей и потому приехал прямо к нему домой. Извинившись, я сказал, что в рубашке не признал в нем сразу чиновника великой Китайской державы, с которой вот уже 200 лет Россия имеет самые дружественные отношения. Затем мы сели; я предложил ему папиросы, он угостил меня трубкой, и завязалась беседа.

Тем временем собравшиеся в большом количестве киргизы со смехом наблюдали за комичной фигурой начальника, который босиком, в одной рубашке, но при этом в официальной шапке с пером на голове бегал по юрте, торопливо одеваясь. Повинуясь начальственному окрику, они бросились за провизией и юртами. В течение часа все было готово, и начальник, как того требовал китайский этикет, самолично отвел нас к приготовленным юртам и проверил, достаточно ли хороши баран и сено, после чего удалился, убедившись, что мы ни в чем не нуждаемся.

Когда еда для нас была готова, я послал за ним, приглашая на обед. Начальник сразу же явился, извиняясь, что это он должен был бы пригласить нас на обед, но его повар не умеет готовить по-европейски. Он принес мне граммов двести чая в герметично упакованной жестяной коробке и пояснил, что это великолепный чай, который ему прислали из провинции Кансу, и что он является чудодейственным средством против всевозможных желудочных заболеваний. Подарок я принял.

После обеда, когда мой гость уже собирался уходить, я выбрал среди имевшихся у меня с собой мелких сувениров фарфоровую трубку с изображением выходящей из морской пены Венеры и, набив ее, предложил ему отведать российского табаку. Я заметил, что мой гость с восхищением разглядывал фигурку Венеры, а потому попросил его оставить трубку себе на память. Он стал отказываться, но до такой степени не мог противостоять искушению, что, даже не погасив трубку, быстро спрятал ее в мешочек (у китайцев на одежде карманов нет, но на поясе они носят очень изящные мешочки, в которых держат трубки и разные мелочи), говоря,

⁶⁶ *Курма* – (искаж. *маньчжур.* курумэ) – широкая куртка, надеваемая поверх прямого халата, неотъемлемый атрибут одежды чиновников и военных в цинском Китае.

что с этим подарком не расстанется до конца жизни. Мы простились дружески. Начальник отправился к себе в сопровождении свиты, которая несла на палках огромные разноцветные фонари с инициалами и названием должности идущего чиновника.

На следующий день, 17 августа, я продолжил свое путешествие. До брода через Кызыл-су китайский начальник проводил меня со всеми почестями, в окружении беков и конвоя конной киргизской лянзы. При расставании он обратился ко мне с просьбой, чтобы я позволил казачьему офицеру остаться еще на один день в Улуг-чате, поскольку в связи с моим отъездом он не сможет отблагодарить меня за вчерашний прием и хотел бы пригласить на угощение офицера.

Одним из существенных изъянов китайской административной системы является обычай продавать должности, причем на такие высокие посты, как пост вице-короля Маньчжурии (дзянь-дзюнь⁶⁷), губернаторов различных провинций (шун-фу⁶⁸) или наместников окраинных провинций, назначаются люди, которые в состоянии заплатить определенные суммы тем, от кого зависит их назначение. Такие взятки иногда бывают столь огромны, что даже очень богатый человек в одиночку заплатить их не может. Поэтому кандидат на определенное место, получив гарантию того, что он его удостоится, распродает подведомственные ему должности чиновникам более низкого ранга, а те в свою очередь берут деньги от еще более мелких служащих и т. д.

Должности продаются на три года, причем очень часто чиновник, вследствие жалоб со стороны населения или уличения его в жестокой эксплуатации, увольняется ранее положенного срока, а вместе с ним лишаются своих постов все или почти все гражданские и военные чиновники, поскольку новый начальник назначает на эти должности множество своих людей. Вот почему в разговорах с китайскими служащими так часто можно услышать фразу: «Когда через три года я вернусь домой...» Крайняя несправедливость этой системы не вызывает никаких сомнений. Ведь каждый заплативший за свое место должен в течение трех лет не только собрать соответствующую сумму с населения ценой жестокой эксплуатации, а также хоть что-нибудь заработать, но при этом еще и удержаться на занимаемой должности.

Очень часто покинувшие свой пост наместники спустя три года вновь претендуют на прежнюю должность, ибо они, хорошо зная местные ресурсы, могут выжать из населения больше и, соответственно, повысить стоимость данной должности. Именно такой случай имел место во время моего путешествия по Кашгарии. Начальник Новой Линии⁶⁹, в руках которого была сосредоточена высшая военная и гражданская власть в крае, сановник Лю⁷⁰, отправлялся на место генерал-губернатора провинции Шаньси, а на его место должен был прибыть сановник Чжан Лоушай, которого три года назад и сменил сановник Лю.

Две мои следующие ночевки были в Уксалыре и Канджугане. В этих местностях сгруппированы юрты киргизов из рода Чум-Багыш, которыми управлял Розы-Хан-бий, человек очень почтенный, решительный сторонник сильной власти. Во время доверительной беседы он показывал мне письма генерала Абрамова⁷¹, из которых следовало, что Розы-Хан-бий бескорыстно сообщал российским властям всевозможные сведения политического характера в надежде, что жизнь его соплеменников в качестве российских верноподданных будет гораздо лучше, чем при сидящем на шатком троне Бадаулете.

⁶⁷ Точнее, цзянцзюнь – *кит. ##*, генерал-губернатор, военный губернатор. Далее по тексту название будет использовано в уточненном варианте.

⁶⁸ Точнее, сюньфу – *кит. ##*, губернатор провинции.

⁶⁹ Новая Линия – русскоязычный вариант названия провинции Синьцзян («Новая граница»).

⁷⁰ Полный титул его следующий: Великого Дайцинского государства, командированный по Высочайшему повелению вице-президент Военного министерства, имеющий чин храброго богатыря, сановник Лю. – *Прим. авт.*

⁷¹ Абрамов Александр Константинович (28.08.1836–21.10.1886) – генерал-лейтенант, участник завоевания Средней Азии, военный губернатор Ферганской области (1877–1883). На период его деятельности в Фергане пришелся разгром режима Якубека в соседней Кашгарии и ее занятие китайцами.

В Канджугане шли приготовления для встречи начальника Кашгарского округа, который ехал на верховья р. Кургашин-Кани («свинцовые жилы») для осмотра предположительно имеющихся там залежей серебряно-свинцовой руды и каменного угля. С этим сановником мы встретились на дороге.

Он ехал в двухколесной крытой арбе, название которой по-китайски звучит как «мапа». Она была небольших размеров и покрыта красивым лаком, а изнутри выстлана мягкими подушками, обтянутыми материей василькового цвета. Голубые занавесочки в окошках и карманы придавали ей скорее вид прелестной игрушки, чем экипажа, способного преодолеть огромные расстояния во время путешествий из внутреннего Китая на окраины и обратно. Мапу тянули два мощных мула, запряженных цугом, которых вели пешие погонщики. Начальника округа сопровождали верхом около 40 человек – чиновники, солдаты, мусульманские беки и т. д., которые обычно входят в свиту высокого китайского сановника во время путешествий или официальных визитов.

При встрече мы обменялись взаимными приветствиями: я поклонился по-военному, а он потряс кулаками обеих рук, поднятых к лицу на уровне носа. В Китае, где все наоборот, это является самым радушным приветствием. Этим же объясняется и комический вид китайского начальника в Улугчате, который в рубаше и на босу ногу первым делом постарался надеть на себя круглую официальную шапку с торчащим сзади плюмажем из павлиньих перьев длиной тридцать сантиметров. Согласно китайскому этикету, в высшей степени неприлично принимать у себя гостей, не имея на голове шапки. Гость также должен войти в головном уборе и первое время не снимать его. Только потом, выпив полагающуюся чашку чая, после соблюдения всех церемоний, гость и хозяин могут снять официальную шапку с пером и заменить ее черной шелковой ермолкой с черным помпоном. Они снимают шапки одновременно и так же одновременно надевают ермолки, следя друг за другом исподлобья, чтобы не нанести оскорбление собеседнику, сняв шапку раньше его.

Глава VII

Каранглик. Дорога среди скал из песчаника. Искусственное орошение в Кашгарии и Средней Азии. Китайская таможня в Минг-юле. Конфликт с начальником таможни. Китайские солдаты. Безразличие китайцев к смерти. Экзекуция в Маньчжурии

На пути из Иркештама в Кашгар самым сложным был участок дороги от Уксалыра до Канджугана: на протяжении 22 км приходится ехать по ровной, безводной местности, что в жаркие дни очень тяжело сказывается на лошадях. Вдобавок местами дорога эта превращается в узкий, шириной в 3–4 шага, проход между стенами песчаника, размытого дождем и обветренного. Эти стены временами нависают над проходом, а иногда приобретают диковинные формы – например, бастионов. Не меньшую сложность представляют и два перевала – невысокие, но крутые и каменистые, дорога на которые ведет ступеньками по скользким песчаникам. Такова, к примеру, местность Тайгак-таш («скользкий камень»), где лошади с тяжелым грузом нередко падают и получают увечья.

В русле р. Кызыл-су и ее притоков попадает множество островков, на которых растут раскидистые тополя, тальник и кусты тамариска, боярышника, терновника и т. д. В этих местах начинают появляться возделываемые поля, засеянные ячменем и яровой пшеницей. В 12 км от Канджугана расположены шахты, где добывается в небольших объемах горный воск⁷².

После Каранглика исчезают киргизские зимовки; дорога идет преимущественно по каменистому грунту, и время от времени попадаются следы разрушенных арыков.

В этих краях, как и во всей Средней Азии, наличие воды означает присутствие жизни. Искусственное орошение полей находится на высоком уровне, особенно если принять во внимание полное отсутствие простейших нивелировочных инструментов. Часто испытываешь изумление при виде оросительных каналов – арыков, берущих воду в горных реках и достигающих ста и более километров в длину; вода из этих арыков используется для орошения степей с богатой, сказочно плодородной лессовой почвой. Следует также отдавать себе отчет в том, что арыки должны иметь постоянный уклон, и именно такой, при котором вода не текла бы по ним слишком быстро, так как это может привести к повреждению дна или образованию чрезмерных песчаных отложений, т. е. заиливанию арыков. Все эти работы ведутся всегда «на глаз», без использования технических приспособлений, которые в тамошних краях совершенно неизвестны. Способы проведения воды были выработаны многовековой культурой и условиями существования народов, которые вынуждены были проявлять изобретательность в этом отношении, поскольку в их странах с марта по октябрь не выпадает ни единой капли дождя, а солнце жарит с такой силой, что от прикосновения к нагретшейся под солнечными лучами железной ручке на пальцах вспухают пузыри, словно от прикосновения к раскаленному железу. Проведение воды, зачастую на очень большие расстояния, необходимо там не только для орошения полей, но и для питья.

Немалым стимулом, побуждающим людей искать и проводить воду, является мусульманское вероучение. Согласно Корану, безводная земля является ничейной (государственной), но всякий, кто ее «оживит», т. е. осуществит искусственное орошение, становится законным хозяином «оживленной» земли и человеком «приятным» (близким) для Бога. Ежегодное очищение оросительных каналов, укрепление их берегов, починка мостов, чтобы проезжающие не загрязняли арыков, переправляясь вброд, – все это входит в обязанности всех жителей общины, которые, в зависимости от количества принадлежащей им земли, обязаны предоставить работника

---

⁷² Озокерит – воскообразное минеральное вещество (от греч. «озо» – «издаю запах» и «керос» – «воск») – разновидность природных битумов.

и пропитание для него, балки, гвозди, солому и другие необходимые материалы. Работами руководят миробы (от «мир» – «хозяин», «об» – «вода»), которых выбирает община. Миробы постоянно наблюдают за состоянием каналов, не допуская перерасхода воды: ее количество, положенное каждому члену общины, указывается в особых документах, которые выдаются при строительстве каналов, в зависимости от степени участия в нем жителей. Миробы следят еще и за тем, чтобы от арыков не отводили новых ответвлений те, у кого нет на это права. Они также отвечают за рабочее состояние плотин, устроенных в истоках тех арыков, которые вытекают из крупных рек, и проверяют, пропускают ли шлюзы воду в том количестве, в каком она необходима населению, пользующемуся этими арыками. Находясь в постоянных разъездах, миробы не имеют возможности заниматься собственным хозяйством, и оно приходит в запустение. Поэтому мироб получает от общины определенную плату, но не в виде постоянной компенсации, а в виде процента от урожая; поскольку же урожайность зависит от количества воды в арыках, то и плата напрямую зависит от предусмотрительности мироба.

Строительством новых арыков руководит мироб-баша (глава миробов). Как правило, это старик, который всю жизнь выполнял обязанности мироба и заслужил всеобщее уважение среди всех общин в данной местности.

Исследуя определенную территорию, по которой предполагалось провести новый арык, и намечая его направление, мироб-баша снимал тюрбан и ложился навзничь головою в ту сторону, откуда должна была течь вода, а ногами – куда ей надлежало течь, и, уложив голову определенным образом, смотрел вверх. Если перед собой он видел поверхность земли, это означало, что местность повышается и вода в эту сторону не потечет; если земли совсем не было видно – значит, местность имеет чересчур большой уклон и не подходит для строительства арыка. Мироб-баша должен был увидеть землю на определенном расстоянии, обычно в несколько шагов, и тогда колышками обозначал направление нового канала. Затем снова ложился на землю, вертелся, менял положение и, обнаружив подходящее направление, намечал будущее русло арыка колышками; при этом он продвигался лишь на несколько шагов. Так он ложился вновь и вновь, прокладывая траекторию канала на протяжении многих километров. Легко себе представить, насколько это был титанический труд, в котором очень многое зависело от опыта и умений каждого конкретного мироб-баши.

В Ферганской долине есть арыки, например, Улугнар или Шарихан-сай, достигающие в длину 150–200 км и берущие свое начало на том участке Сыр-дарьи, где она вытекает из горных ущелий в долину. Эти ирригационные каналы несут жизнь миллионам гектаров полей и десяткам тысяч людей. По ним можно беспрепятственно передвигаться в большой лодке. Все арыки построены без участия инженеров (в европейском понимании этого слова), поскольку о существовании каких-либо приборов правители [Кокандского] ханства и не подозревали. Русские, после присоединения этих территорий, привлекли к работам своих инженеров, которые вследствие исключительно теоретического знакомства с устройством ирригационной системы и неумелого обращения с водой причинили огромный ущерб государству и местному населению, превратив множество цветущих селений в безводную пустыню. Эта катастрофа случилась в верховьях Кара-дарьи, вода в которой во времена ханского правления полностью расходилась по арыкам. Чтобы повысить уровень воды, были нужны плотины, которые устраивались самым примитивным способом из фашии и туров, набитых камнями. Во время паводков случались прорывы плотин, но, хотя в течение нескольких дней население оставалось без воды, все удавалось починить, и жизнь входила в нормальную колею. Русские решили построить там каменные плотины на бетоне, с железными шлюзами для приема излишков воды. Строительство это обошлось в баснословную сумму! И в конце концов это случилось одной очень теплой весной. Из-за бурного таяния снегов в горах вода поднялась так высоко, что река, сдерживаемая плотинами, устремилась в каналы и проложила себе новое русло. В результате сотни селений, окруженных прекрасными садами и засеянными полями, оказались на два десятка

метров выше русла реки и остались без капли воды. Так как починить разрушенные каналы не удалось, жителям пришлось покинуть свои владения и перебраться в другие места, а большая площадь культурных земель превратилась в пустыню.

Последний наш ночлег на этом пути был в Минг-юле («тысяча дорог»), расположенном в 45 км от Кашгара. Здесь сходятся все дороги, ведущие в сторону Ферганы, Семиречья и других российских провинций. Тут также находится главная китайская таможня, контролирующая всех проезжающих и провозимые товары. О каждом прибывшем, о каждом торговом караване сообщается ежевечерне в канцелярию даотая. Таким образом, китайские власти всегда имеют полные сведения как о всех прибывших и выбывших из края, так и о перемещениях торговых караванов.

Я остановился на ночлег в равате (заезжем доме). Это большое строение с обширным внутренним двором, обнесенным высокой стеной. В равате имеются спальные комнаты для путешественников, склады для хранения товаров и конюшня для нескольких сотен лошадей. Здесь есть помещение для двух семейств кашгарцев, прислуживающих проезжающим. Недалеко от равата, в скалистых горах, окружающих долину, на вершине одной скалы виднеется овальное сквозное отверстие. Эти скалы, удивительная прихоть природы, носят название Тышик-таш («дырявый камень»).

Приставленный ко мне китайский чиновник попросил у меня разрешения отправиться дальше, в Кашгар, и доложить, что мне удалось успешно переправиться через горы и прибыть в Минг-юль. Я одарил его небольшими презентами и вручил письмо к российскому консулу, а также свою визитную карточку для даотая.

Сразу после отъезда чиновника ко мне явился начальник местного таможенного поста для проверки документов и потребовал вскрыть мой багаж для осмотра. Я знал, что багаж должностных лиц не подлежит проверке на китайских таможнях, и потому ответил, что из моих документов, которые он просмотрел, ему должно быть известно, что я являюсь представителем России, командированным для совместного с китайскими властями объезда государственной границы. Посему никаких товаров я не везу, а багаж мой составляют одни только личные вещи, необходимые для путешествия. Более того, я еду в Кашгар по специальному приглашению представителей верховной китайской власти, в качестве гостя даотая Хуанга, а потому полагаю, что досмотр моих вещей был бы для меня оскорбителен, особенно принимая во внимание тот факт, что большинство торговых караванов проходят через таможню без оного. Так что на осмотр моих вещей я согласиться никак не могу, а если же начальник полагает, что я не прав, я готов оставить свой багаж на таможне, и пусть сам даотай нас рассудит. Начальник долго объяснял мне, что он обязан досматривать вещи, так как, согласно договору с Россией, ввоз оружия и боевых припасов запрещен; что если иногда он и не вскрывает торговые караваны, то тем самым берет на себя серьезную ответственность, да и делает он это исключительно из сочувствия к российским подданным, не желая отнимать у них время и причинять неудобства, связанные с распаиванием выюков. Я сразу понял, что он рассчитывает на взятку. Первоначально я предполагал послать ему небольшой подарок, если бы он на этом настаивал. Но теперь я заартачился и решил ничего не давать. Простились мы с ним холодно.

На следующий день рано утром я велел разбудить его и сообщить, что я оставляю ему свои вещи на хранение, поскольку должен уехать. Он немедленно пришел в парадном мундире и заявил, что изменил свое решение: в самом деле, мой багаж не подлежит осмотру. Он оправдывался тем, что вчера был в возбужденном состоянии, поскольку курил опиум, и просил извинить его, если он нанес мне обиду, но главная его просьба – не сообщать о случившемся даотая.

Я упоминаю здесь об этом незначительном происшествии только оттого, что подобные ему случались во время всего моего путешествия по Кашгарии. Любая встреча с представи-

телями китайской администрации всегда оборачивалась конфликтом, в то время как местное население оказывало нам самый радушный прием.

После этого разговора с начальником таможни я тронулся в путь. От равата дорога идет к китайскому укреплению в Минг-юле, в котором размещается незначительный гарнизон. Перед укреплением, которое само по себе никакого стратегического значения не имеет, возвышается стена: она преграждает дорогу и спускается к самой реке, так что пройти можно только через ворота, охраняемые китайскими солдатами. Выглядят стражники презабавно: среднего или небольшого роста; с выбритыми, нередко рябыми лицами и пергаменно-желтого цвета кожей; головы солдат обриты наголо, а растущие у основания черепа длинные волосы заплетены в косичку, в которую вплетена также черная лента, доходящая до пят или замысловатым способом заткнутая за пояс; ходят солдаты в широких и коротких курмах голубого цвета, длиною до середины бедра, застегивающихся сбоку. На голове вместо круглых чиновничьих шапочек – платки разных цветов, причем всегда чудовищно грязные, завязанные сзади или на лбу на маленький узелок. На ногах – широкие штаны, завязанные в области щиколотки, или одни наго-ленники – т. е. короткие панталоны, которые от лодыжек поднимаются чуть выше коленей, а затем крепятся с помощью широкой ленты к поясу на животе; из-под ленты виднеются вечно грязные кальсоны, сшитые из маты – грубого хлопчатобумажного материала.

Эти вояки, обутые в черные ботинки, матерчатые, а не кожаные, на высоких 5-сантиметровых подошвах, похожи не на солдат, а на баб, и смотреть на них без снисходительной улыбки невозможно. Однако в действительности китайцы отличные солдаты, так как имеют железные нервы, совсем не ценят свою жизнь и идут на смерть так хладнокровно, как, пожалуй, ни один народ на свете. Я имел возможность убедиться в этом четырнадцать лет спустя, когда воевал с ними в Маньчжурии, во время восстания «больших кулаков»⁷³, а позднее в бытность мою военным комиссаром в Мукдене, где местный цзянцзюнь (вице-король), сановник Цин, приговаривал к смертной казни сотни схваченных хунхузов (мятежных солдат – участников разбойничьих банд). Приговоренных выводили на площадь обнаженными по пояс, со связанными сзади руками; они сами вставали на колени друг за другом на расстоянии пяти-шести шагов. Затем вперед выходил палач – высокий, широкоплечий, также раздетый до пояса, с обернутым несколько раз вокруг бедер поясом из красного материала и с коротким широким мечом в руках. Приговоренный склонял голову, палач хватал его за косу, которую наматывал себе на левую руку, и одним движением отрезал голову и отбрасывал ее в сторону. Тело падало, из него потоками лилась кровь. Потом палач подходил к следующему по очереди, и так до тех пор, пока все осужденные не были обезглавлены. Сами они стояли на коленях и смотрели абсолютно спокойно на казненных предшественников, покорно склоняя свои головы перед палачом. Никто из них не кричал, не пытался вырваться из рук палача, никто не проявлял отчаянного желания спасти свою жизнь! Подобное желание столь чуждо природе китайцев, что даже конвой, который доставляет осужденных на место казни, находится не при них, а отгораживает часть площади от собравшегося народа, чтобы предотвратить давку, которая может помешать экзекуции. Приговоренные сами выстраиваются на площади, опускаются на колени во время объявления приговора и так и остаются стоять, покорно склоняя головы для казни. Лишь руки у них связаны сзади на тот случай, если палачу не удастся обезглавить осужденного с первой попытки и он может инстинктивно закрыть шею от повторного удара.

На солдатских куртках – на груди и на спине – нашиты большие белые круги, на которых черной краской написано имя рядового, а также командира его части.

По обеим сторонам от ворот, на канах (террасах), построенных над дорогой, на войлоках сидели или лежали до двух десятков солдат. Одни из них играли в карты, другие курили трубки, не обращая на нас ни малейшего внимания.

⁷³ Боксерского восстания. – Прим. авт.

Глава VIII

Дорога в Кашгар по долине р. Кызыл-су. Торговая делегация. Дастархан. Тополь «туграк». Прибытие в Кашгар. Первые впечатления от города. Визит к даотая. Торжественный прием. Возвращение домой

В 12 км от Минг-юла горы расступаются, и Кызыл-су из ущелья вытекает на широкую каменистую равнину. Ирригационные работы ведутся здесь с большим размахом. На горизонте видны кашгарские селения, утопающие в зелени садов. Кызыл-су разветвляется на многочисленные рукава, а во время половодья заливают равнину.

Проехав от места нашей ночевки 25 км, мы приблизились к местности Андижан-кичу («андижанский брод»)⁷⁴. Здесь располагается очередной военный пост. Дорога пересекает ороженный двор с казармами, таможней, сараем для товаров, конюшнями и через другие ворота выходит на деревянный мост, перекинутый через основное русло Кызыл-су. За Андижан-кичу различимы сады большого селения Сарман, насчитывающего 350 домов и являющегося своего рода предместьем Кашгара.

Торговые караваны не имеют права идти прямой дорогой из Андижан-кичу в Кашгар, а направляются севернее, на пост Зунг-караул («большой пост») в 16 км от Андижан-кичу, где находится главное таможенное управление, чтобы там предъявить детальную декларацию о привезенных товарах.

В 17 км от Кашгара меня встретил высокопоставленный чиновник из канцелярии даотая с переводчиком и, передав визитную карточку даотая, от его имени поприветствовал меня в качестве гостя китайского правительства. Одновременно с ним на встречу со мной приехал предводитель русского купечества в Кашгаре, а также делегация купцов, которые пригласили меня на дастархан, т. е. на угощение.

Уже издали был виден высокий шелковый шатер, украшенный флагами российских цветов; в шатре большой стол был заставлен мисками с разнообразными кушаньями и подносами с фруктами и сладостями. По краям стола стояли две традиционные сахарные головы. Поскольку приготовленное угощение не уместилось на столе, то дастархан (скатерть) спускался на землю и покрывал большой кусок травы перед шатром и также был целиком заставлен подносами и мисками с едой.

Для казаков отдельно была поставлена шамиона (разновидность шатра на высоких шестах, который дает много тени и хорошо проветривается), а под ней на войлоках разложено обильное угощение.

Пригласив в шатер китайского чиновника вместе с переводчиком, а также купеческого старейшину и делегацию купцов, я с удовольствием спешил после тридцатикилометрового пути под палящим солнцем и с аппетитом принялся за импровизированный завтрак, беседуя с представителями делегации и чиновником. Последний всем своим видом демонстрировал возмущение тем обстоятельством, что, в нарушение китайского этикета, я позволил его переводчику и местным жителям есть за одним столом со мной, не оказывая никому предпочтения и рассматривая всех как равноправных гостей.

Передохнув полчаса, мы двинулись дальше в сторону Кашгара по дороге, идущей через оазис, мимо живописных полей, селений и садов. Я ненадолго остановился в Мазар-Туграка, где росли тополи особой разновидности – туграк. Нигде в Средней Азии мне не доводилось прежде встречать эти деревья. Листья у них такие маленькие и сухие, что крошатся от при-

---

⁷⁴ *Андижан* – уездный город, торговый и промышленный центр в Ферганской области, имевший широкие торговые связи с Кашгаром. Отсюда местные жители, русские подданные, зовутся андижанцами. – *Прим. авт.*

косновения руки или от ветра, и потому павшей листвы под этими деревьями никогда не бывает. Как следствие, в туграковых лесах нет обычного для дубовых или буковых лесов чернозема. Туграк прекрасно переносит засуху, и его часто можно встретить вблизи пустыни Такла-Макан.

Наконец мы приблизились к Кашгару со стороны ворот Кум-дарваза («ворота на песках») и, не въезжая в город, направились вдоль городской стены к российскому консульству, которое располагалось в саду Яр-баг («сад над оврагом»), на берегу Кызыл-су, недалеко от вторых городских ворот – Яр-баг-дарваза.

Русская колония в Кашгаре состояла тогда из консула Н. Ф. Петровского⁷⁵, секретаря консульства Я. Я. Лютша⁷⁶, а также полусотни сибирских казаков⁷⁷ при офицере. У консульства в то время еще не было собственного здания, и оно помещалось в туземных саклях, несколько переделанных на европейский лад. Консул не хотел жить в черте города, чтобы не подчиняться существующим в китайских городах порядкам. А они весьма строгие: за полчаса до заката солнца производится пушечный выстрел, по которому все ворота в городской стене притворяются наполовину; все городское население стремится попасть в город, а живущее вне города – наоборот, выбраться из него. В самый момент захода солнца раздается еще один выстрел, и все городские ворота запираются на цепи и запоры; более того, решетчатые ворота на каждой улице также закрываются на замки. Ключи от всех ворот доставляются в канцелярию даотая, так что жизнь в городе замирает и сообщение между улицами совершенно прекращается.

На рассвете пушечный выстрел сигнализирует жителям об открытии всех ворот, и город оживает.

Утром следующего дня, 21 августа, я послал даотая уже новую, сделанную в консульстве, большую красную визитную карточку, сообщил о своем намерении посетить его и осведомился, в котором часу он сможет меня принять.

Час спустя приехал личный переводчик даотая по имени Фу Да Лое, маньчжур по происхождению, весьма хорошо говорящий по-русски. Он привез визитную карточку даотая и сообщил, что даотай будет счастлив, если я смогу быть у него в одиннадцать часов утра. Фу Да Лое оказался очень приятным человеком, он часто бывал в консульстве, и мы с интересом слушали его смелые речи, наполненные нескрываемым презрением, которое каждый маньчжур испытывает к китайцам. Мы стали готовиться к визиту, а поскольку консул, отчасти из любезности, отчасти из желания подчеркнуть важность моей миссии, пожелал лично представить меня даотая, то кавалькада наша в итоге оказалась весьма внушительной.

Впереди бежал скороход, туземец, обвязанный широкой лентой, окрашенной в цвета российского флага, и выкрикивал: «Посторонитесь, едет консул великой Российской державы». За скороходом ехали трое казаков; ехавший в середине держал в руке консульское знамя. За ними, на расстоянии 20 шагов, ехали консул, секретарь посольства и я, все трое в парадных мундирах, увешанных орденами. Господа дипломаты садились на лошадей нечасто и поэтому держались в седле с большим трудом, неудобство их усугублялось треуголками на головах и тяжелыми шпагами по бокам, мешавшими конной езде. За нами ехали командиры конвоя и тридцать вооруженных казаков.

Ямэнь (официальная резиденция) даотая располагался в центре Кашгара, в бывшей урде⁷⁸ Якуб-бека, переделанной на китайский лад.

⁷⁵ Петровский Николай Федорович (30.11.1837–19.11.1908) – русский дипломат, востоковед, собиратель древностей, консул (1882), генеральный консул (1895) в Кашгаре.

⁷⁶ Лютши Яков Яковлевич (19.05.1853 – после 1921) – русский дипломат, востоковед. В описываемый период секретарь российского императорского консульства в Кашгаре.

⁷⁷ В описываемый период конвой консульства состоял из казаков 1-го Семиреченского казачьего полка.

⁷⁸ Здесь и далее имеется в виду дворцовый комплекс.

Улицы в Кашгаре настолько узкие, что для колесного движения пригодны только главные из них. Ширина остальных улочек не более трех-четырех шагов, так что нам, передвигавшимся верхом, не везде удавалось проехать втроем. Только теперь стало очевидно, что без скорохода, бегущего впереди и освобождающего для нас дорогу, нам не обойтись. Был базарный день. Из окрестных селений на рассвете в город приехали толпы народа, в основном на ишаках, чтобы продать свои продукты и сделать необходимые закупки. Люди и животные заполнили улицы, так что двигаться можно было, в самом деле, лишь с большим трудом. Заслышав возгласы скорохода, прохожие прижимались к стене или отступали в боковые улочки, другие же слезали с ишаков и пытались затащить их в сени или калитки домов только для того, чтобы пропустить нашу процессию.

Дома здесь в большинстве двухэтажные, каркасные, стены выложены из необожженного кирпича, крыши плоские, залитые раствором глины. Душными летними ночами горожане устраивают на крышах временные палатки, в которых спят все вместе. На этих же крышах сушатся фрукты: абрикосы, инжир, виноград, а также выстиранное белье, да и вообще все, что требует сушки или проветривания. Внутренние дворы очень невелики из-за нехватки места, поскольку город окружен крепостными стенами и земли для строительства не хватает. Садов нет вообще, разве что иногда во дворах попадает шелковица или абрикосовое дерево, а у стен растет виноград, который обвивает высокие опоры и образует тенистые беседки, где женщины целыми днями занимаются готовкой, стиркой, шитьем и другими подобными делами. Вид улиц однообразен и производит гнетущее впечатление из-за серого цвета домов и отсутствия окон; впрочем, это свойственно всем мусульманским городам и селениям в Средней Азии, где женщины обязаны скрываться от посторонних, ведь будь в их жилищах окна, то они наверняка не могли бы удержаться и выглядывали на улицу.

В городе много базаров и гузаров. Базарами называются целые торговые кварталы или улицы с одними только лавками. На уровне крыш эти улицы покрыты настилом из ветвей для защиты от палящего солнца. Это затемняет улицу, но зато днем здесь царит прохлада, вдвойне приятная из-за того, что базарные улицы часто поливают водой. Гузар – это крохотный базар; он обязательно присутствует в каждом квартале и состоит из трех-четырех лавок, а именно: продовольственной и мясной лавок, а также чайханы (чайной), где подают чай, хлеб, овощи и кое-какую еду. Сюда кашгарцы приходят поболтать по-соседски и здесь же принимают гостей, если у того мало времени или если хозяин не хочет или не может устроить прием у себя дома.

В городе только мечети и медресе (высшие духовные училища), возведенные на пожертвования местных богачей, построены из жженого кирпича и производят впечатление капитальных строений, хотя и среди них преобладают каркасные постройки. Вода проведена в город с помощью арыков, которые, разветвляясь и образуя затейливую сеть, бегут по всему городу небольшими ручейками, не шире человеческой руки; вода обязательно есть в каждом дворе. Разумеется, от дома к дому вода в арыках становится все грязнее, и во время эпидемий зараза разносится с водой по всему городу. По этой причине зажиточные горожане в качестве питьевой используют воду из Кызыл-су, которую либо привозят в бочонках, прикрепленных к седлу ишака, либо приносят на спине в гупсарах, т. е. больших мешках из телячьей или бычьей кожи. При мечетях есть небольшие прудики, на берегах которых положен деревянный настил; по краям такого пруда встают мужчины для ежедневных пятикратных омовений, предписанных Кораном. Во время омовения мужчины снимают с головы чалму вместе с тюбетейкой, вокруг которой она намотана, а на бритую голову набрасывают снятую с себя верхнюю одежду.

На улицах – толпы людей в невзрачной одежде. Нигде не встретишь ярких нарядов из шелка, атласа или адраса⁷⁹ местного производства, столь характерных для улиц русского Туркестана или Бухары.

⁷⁹ Адрас – двухсторонняя декоративная ткань с хлопковым утком и шелковой основой.

На лицах [горожан] заметна подавленность; каждый боится произвести впечатление состоятельного человека и тем самым привлечь к себе внимание местных властей, так как вслед за этим могут последовать всевозможные вымогательства. Нарядно одетых женщин можно встретить чуть чаще, однако число их также относительно невелико. Женский костюм составляют платье, как правило, из белой хлопчатобумажной ткани, и такого же материала брюки, завязанные на щиколотке. Пожилые женщины носят сорочки из дабы – голубой хлопчатобумажной материи, более практичной, так как она не столь маркая. На голове – тюбетейка (ермолка) ручной работы, искусно вышитая разноцветным шелком. Паранджу – длинный серый халат до самой земли, с длинными рукавами, надеваемый на голову и полностью скрывающий женскую фигуру, – здесь никто не носит. Вместо нее на голову накидывают белую прозрачную материю, и она покрывает фигуру до самых пят. Зимой вместо тюбетеек кашгарки носят на голове круглые шапки из парчи, подбитые бараньим мехом и с широкой оторочкой из выдры. Это единственное ценное украшение местных женщин. От туркестанских женщин они отличаются еще и тем, что на ногах носят не полусапожки с мягкой кожаной подошвой и калоши, а сапоги. Кашгарки не прячутся от посторонних так тщательно, как это делают женщины в других азиатских регионах; напротив, прижавшись к стене, они с интересом разглядывали наш кортеж, и лишь под пристальными взглядами, которыми одаривали их казаки, они словно бы нехотя закрывали лицо покрывалом или отворачивались к стене, прижимая к себе детей.

Протискиваясь всю дорогу сквозь разношерстную толпу, состоявшую из людей и выючных животных, мы подъехали к ямэню, напротив ворот которого выстроена стена с нарисованным на ней драконом. Над входом – павильон в китайском стиле, а в нем – стража. В момент нашего въезда во двор стража произвела выстрел из тайфуры – переносного орудия, которое во время учений носят на широких кожаных ремнях четверо солдат.

Дипломаты знают об этих выстрелах, а поскольку китайцы пороху не жалеют и грохоту бывает много, то они предусмотрительно хватаются за лошадиные гривы, чтобы не вылететь из седла, а казаки-ординарцы держат лошадей за поводья и заводят на первый двор. Напротив въезда – большие главные ворота, дощатые, с двумя калитками по бокам. На воротах яркими красками изображены портреты древних богатырей, которые, должно быть, охраняют дом. Чтобы впустить нас, ворота широко открываются, и мы проходим на следующий двор, гораздо меньшего размера, выстланный кирпичом и окруженный флигелями, в которых размещаются стражники, переводчики и прислуга даотай. Конвой и знаменщики остаются на первом дворе, а мы верхом въезжаем на второй, спешиваемся и оставляем лошадей ординарцам.

Напротив ворот устроен павильон, обитый красным сукном, в котором восседает на стуле даотай во время разбора судебных дел. Позади на стене золотой краской нанесен китайский герб, изображающий двух драконов. По обеим сторонам павильона находятся большие двери, ведущие на третий двор.

Спешившись, мы медленно приближаемся к павильону. По левую руку от нас стоит шеренга почетного караула из китайских солдат, по правую – выстроилась в ряд парадно одетая прислуга. Чем выше пост, занимаемый китайским чиновником, тем больше у него прислуги. Мы минуем караул. Офицер отдает команду почитайски. Солдаты берут «на караул», становятся на одно колено и громко что-то выкрикивают, после чего сразу же встают. Мы подходим к павильону.

Внезапно задняя стена павильона раскрывается и на лестницу быстрыми шагами входит даотай. Согласно китайскому этикету, хозяин должен встретить гостя у павильона. Поэтому гостям и приходится медленно идти через двор, чтобы дать хозяину время подготовиться к встрече. Кашгарский даотай – мужчина лет 35, среднего роста, худой, с выбритым лицом пергаментной желтизны и нездоровым блеском в глазах, подстриженные брови над которыми разного цвета: одна седая, другая – совершенно черная. Он одет в голубой шелковый халат

длиною до щиколоток, с широкими рукавами, застегивающийся сбоку; поверх халата – форменная шелковая курма темно-шоколадного цвета, также с широкими рукавами, застегивающаяся спереди на пять золотых пуговиц. Спереди на курме – золотом вышитый квадрат с изображением лебедя в центре, что, по всей вероятности, является каким-то высоким знаком отличия для гражданских чиновников⁸⁰, в то время как на форме военных вышиты изображения тигров или других хищных животных. Орден европейского образца – звезда с лентой – есть в Китае только один. Это «Звезда двух драконов» разных степеней, которой награждаются исключительно европейцы. На голове даотай носит круглую шапочку с тридцатисантиметровым павлиньим пером, торчащим сзади, и с коралловым шариком в середине, обозначающим генеральский чин. На ногах – белые полотняные носки, связанные на уровне щиколоток с брюками того же цвета, что и халат, а также изящные черные туфли с вышивкой на 5-сантиметровых белых подошвах без каблуков.

Даотай быстро проходит по павильону, спускается по ступенькам, подносит к лицу два кулака и потрясает ими в знак дружеского расположения; после этого он сходит с нижней ступеньки и обменивается с каждым из нас длительным рукопожатием, быстро переспрашивая раз по десять: «Хома? Хома?» (означает «Хорошо?»). На это принято отвечать: «Хау! Хо! Ходе-чин!» («Хорошо! Очень хорошо!»).

Затем даотай с одной стороны берет под руку консула, а с другой – меня, и вместе мы поднимаемся по ступенькам павильона. Даотай просит нас идти вперед, а мы как бы возражаем и настаиваем, чтобы он, как хозяин, шел первый. Наконец мы втроем одновременно вступаем на третий двор, также выложенный кирпичом, но несколько меньших размеров, чем предыдущий. Двор этот обстроен флигелями, в которых живут приближенные к даотаю чиновники. Они выстроились в шеренгу в парадных мундирах; по мере нашего прохода перед шеренгой каждый из них по очереди быстро опускается на одно колено и затем сразу же присоединяется к нашему окружению.

Мы подходим к главному зданию, в котором находится просторный зал для приемов. Широкие двери зала (точнее говоря, ворота) раскрыты настежь. После минутной церемонии взаимного пропускания друг друга вперед мы входим в зал все трое одновременно. Комната эта длинная, свет в нее попадает через открытые двери и окна, заклеенные пропитанной жиром бумагой. Напротив дверей – высокие глиняные нары, покрытые ковром; на нарах лежат две четырехугольные ватные подушки, обтянутые красным сукном. Между подушек стоит лакированный чайный столик на низеньких ножках. По всей длине комнаты, от нар до входных дверей, стоят два ряда стульев с высокими спинками, образуя что-то наподобие широкого коридора, по которому мы втроем свободно передвигаемся. Между каждыми двумя стульями стоит высокий чайный столик. Мы подходим к нарам. Даотай вновь грозит каждому из нас кулаками, затем указывает место, где следует сесть, и тут же ставит на столик чашку чаю, которую ему подает прислуга. Чашки подаются без блюдец. Чай насыпают непосредственно в чашку, заваривают кипятком и накрывают специальной фарфоровой крышкой. Чай этот имеет соломенно-зеленоватый цвет и терпкий, с горчинкой вкус. Пьют его несладким. Когда заваривают чай самых хороших сортов, то в чашку иногда кладут буквально по одному листку. Наконец, когда все гости уже готовы занять указанные им места и перед каждым стоит чашка чаю, самый старший из них – в данном случае это консул – берет последнюю чашку и ставит рядом с местом даотая, который еще раз грозит нам кулаками, и все усаживаются. Чиновники, которые вошли в приемную вместе с нами, частью встают по обеим сторонам от нар, частью – за стульями гостей. Переводчики занимают места рядом с даотаем, консулом и со мной. Начинается беседа.

⁸⁰ Имеется в виду нагрудный квадрат «буцзы» – *kit. ##*, – на котором был изображен дикий гусь – символ, соответствовавший 4-му рангу у цинских чиновников.

В своей продолжительной речи даотай упоминает о двухсотлетней дружбе двух великих держав; при этом он старается говорить красиво и нараспев. Затем он расспрашивает меня о дорожных впечатлениях, о том, как устроены быт и торговля в Ферганской долине. Мои ответы он выслушивает внимательно, вставляя короткие замечания, наподобие «Какой вы разумный человек» или «Как вы хорошо говорите!» и т. п. Естественно, в ответ я также говорю комплименты в адрес китайской администрации и ее отлаженной работы, упоминаю благоденствие киргизского населения и отмечаю, что в немалой мере это результат правления такого замечательного сановника, каким является наш уважаемый хозяин. Даотай слушает с удовольствием, слегка откидываясь назад и закрывая глаза, словно от восторга. После получасовой беседы мы пьем чай. Даотай своими непомерно длинными, почти четырехсантиметровыми, ногтями (такая длина ногтей свидетельствует о том, что их обладатель является работником умственного, а не физического труда и не занимается торговлей) достает разбухшие чайники и, не прерывая беседы, жует их. Наконец, заметив, что мы не следуем его примеру, он вскакивает с места, снова грозит нам кулаками и с величайшей учтивостью приглашает нас на «скромную» закуску.

Мы поднимаемся и, соблюдая те же церемонии возле каждой двери, выходим под руку с даотаем из комнаты для приемов во двор, затем сворачиваем и через проем в стене в форме звезды переходим на другой двор и приближаемся к зданию с большой террасой, которая служит столовой и является частью личных апартаментов даотая, куда он приглашает нас из-за сильной жары. Эта столовая представляет из себя большую комнату, с огромными, распахнутыми настежь дверьми, пропускающими много света и воздуха. Стены столовой, покрытые алебастром, – белые и блестящие; на стенах развешаны рисунки одной из жен даотая с изображением цветов и птиц, выполненные очень искусно тушью и красками на длинных свитках толстой бумаги. Посередине – большой круглый стол, вокруг которого стоят восемь стульев.

Из боковой комнаты выходят трое китайских чиновников, которых даотай пригласил на обед. Они по очереди подходят быстрыми шагами к даотая, грозят друг другу кулаками и одновременно с ним опускаются на правое колено и здороваются за руку. Даотай представляет их нам, это высокопоставленные военные: начальник Кашгарского округа, комендант города и командир конной лянзы, стоящей гарнизоном в самом Кашгаре. Даотай подчеркивает, что пригласил военных специально для меня, чтобы я не скучал во время обеда. После того как все представлены, даотай указывает мне и консулу на места рядом с ним, а другим гостям – на места подальше. За столом нас восемь человек: четверо китайцев и четверо европейцев, так что мы сидим через одного. По окончании церемонии указания мест мы садимся за стол. Рядом с нашими стульями встают переводчики, а позади – чиновники из свиты даотая, которые вместе с прислугой переменяют наши тарелки, подносят блюда и следят, чтобы порученный им гость ни на секунду не остался без опеки.

Я изучаю сервировку стола, покрытого красной скатертью. Он целиком заставлен холодными закусками, которых я насчитал до сорока блюд. Были там: ветчина в различных видах; сваренные вкрутую яйца, почти черные, ибо, как утверждает, триста лет хранились в извести; разнообразные салаты из мяса и рыбы; обжаренные в сахаре пиявки и какие-то пирожные, очень ароматные и обостряющие аппетит. Кроме того, рядом с каждым прибором стоят блюда с миндалем и арбузными семечками, поджаренными с солью, а также несколько видов острой сои. Подают китайскую водку, настоящую на ароматных травах и подогретую; ее наливают в рюмочки величиною с наперсток. А поскольку водку часто подливают, и каждый из китайцев, хотя и кричит «буссы», «буссы»⁸¹, тут же чокается с соседом, то нет ничего удивительного в том, что наперстков этих набирается порядочная порция. Закуски, и вообще любые мясные или рыбные кушанья, нарезаются тоненькими ломтиками. Для нас были положены вилки и ножи.

⁸¹ Искаженное «бу суй» – *кит. ##*, нельзя, не следует.

Китайцы едят двумя палочками из слоновой кости, длиною 25 см. Одну палочку зажимают между указательным и средним пальцами, вторую – между средним и безымянным пальцами правой руки; китайцы едят этими палочками с большим артистизмом. Суп едят фарфоровыми ложками с короткими ручками.

После закусок даотай просит нас снять головные уборы и сам, сняв свою шапку, надевает на голову черную ермолку с красным помпоном. Шапки забирают чиновники и складывают их на столе у стены.

Снова перемена блюд. Сперва подают пять-шесть разновидностей супов: из ласточкиных гнезд, из сушеных черепах, из акульих жабер. Все они очень вкусные и насыщенные, их наливают в чашки размером с чайные, только широкие и толстостенные. После супов наступает очередь блюд из птицы и рыбы, а затем идет жареное мясо: свинина, баранина, мясо птицы; шкурка жирного поросенка, нарезанная на кусочки – хрустящие и необыкновенно вкусные. После подаются деликатесы: пельмени с собачьим мясом и большим количеством поджаренного репчатого лука; трепанги (крохотные морские животные, размером и цветом напоминающие сушеный инжир, тельце их покрыто большим количеством щупалец, которыми они прилепляются к рыбам и высасывают из них кровь⁸²) в соусе и маленькие котлетки из мяса китайских собак (с длинной шерстью и сломанным носом). Котлетки эти, размером с 20-копеечную монету, и в самом деле отличаются изысканным вкусом, а само мясо считается таким деликатесом, что на базарах Пекина или Мукдена с голов собак специально не снимают кожу, чтобы покупатели были уверены, что покупают мясо именно этих животных.

---

⁸² Здесь имеется неточность – трепанги не являются кровососущими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.